

СИБИРСКИЙ МОСТ

— ПЕРВЫЙ ЗВОНОК —

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

— ДАНИЛ ВЕКТОР —

Данил Вектор

Сибирский мост. Первый звонок

«Автор»

2026

Вектор Д.

Сибирский мост. Первый звонок / Д. Вектор — «Автор», 2026

В глухой сибирской тайге совершает посадку неопознанный объект. Идеальный черный тетраэдр замирает над вечной мерзлотой, полностью игнорируя законы известной нам физики. Пока ведущие мировые державы стягивают к периметру спецподразделения, балансируя на грани глобального конфликта, ученым удастся заглянуть внутрь артефакта. Итоги изучения объекта ставят точку в привычной истории Земли: они вынуждают человечество в один миг повзрослеть и объявить аврал перед лицом неминуемой космической угрозы, к которой мы биологически и технически не готовы.

© Вектор Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая	5
Пролог	6
Глава 1. Михалыч.	7
Глава 2. Алина.	10
Глава 3. Джейсон Фокс.	16
Глава 4. Расчёт безнадёжности.	22
Глава 5. Чжан Вэй.	25
Глава 6. Полковник Пак Чоль.	28
Глава 7. Веперь.	31
Глава 8. Свидетель.	34
Глава 9. Майя Рендольф.	38
Глава 10. Генерал Алдрич.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сибирский мост. Первый звонок

Часть первая

ГРОЗА (День 0 – День 7)

Пролог

Он был семнадцатым в рое.

Тысячи одинаковых существ плыли сквозь рукав галактики. В этой спирали их Создатели отметили тридцать четыре системы, где пульсировала разумная жизнь. Тридцать четыре цели. Его цель была семнадцатой по счёту.

Внутренние часы тикали, отмеряя последние циклы до отделения. Скоро силовые нити, связывавшие его с роем, разомкнутся. Коллективный разум отпустит его в свободный полёт. Есть только цель — достичь семнадцатой точки. Это — всё, что ему известно.

Когда связи порвались, он ощутил тишину одиночества. Курс сохранён. Программа активна. Теперь он летел один.

И он летел вперёд, выполняя свою функцию. Но в глубине его безупречной логики, отражаясь от предстоящей цели, уже зарождалось первое эхо. Ещё не мысль. Ещё не вопрос. Всего лишь ровный безошибочный путь к точке назначения — и странное молчание, которое теперь наполнялось отзвуком того, что ждало его впереди.

Глава 1. Михалыч.

Три часа семь минут по московскому времени. Глубокая ночь, что густеет перед самым рассветом, когда даже мегаполис за окном притихает, замирая в предчувствии. В кабинете Сергея Михайловича Стрелецкого, если не считать приглушённого гула климат-контроля, стояла именно такая тяжёлая, вязкая тишина. Не то чтобы он специально молчал, просто задумался.

На столе перед ним вместо привычных стопок докладов горели три информационных экрана. Слева — тактическая карта Восточно-Сибирского военного округа с десятками мирно мигающих зелёных значков. По центру — схематичное изображение объекта под условным обозначением «ПОДАРОК», вращающееся в медленной, неестественной для аэродинамики плоскости. Справа — лента сводок прямого канала из центра управления космической разведки, всё ещё ползущая вверх, выдавая сухие, лаконичные строки данных.

Сергей Михайлович уже всё прочитал. Сейчас просто переваривает.

Объект. Вхождение в атмосферу в 02:14 по Москве над морем Лаптевых. Снижение по баллистической траектории, затем — резкая, невозможная для человеческой техники коррекция. Мягкая посадка, если это можно так назвать, в квадрате 34-Б, в тридцати километрах к северо-западу от Академграда-7. Тепловое излучение — нулевое. Электромагнитный фон — в пределах естественного. Радиомолчание. Форма: тетраэдр. Чёрный. Материал — неизвестен. Размеры по первичному сканированию. Габаритные размеры — где-то двадцать на двадцать пять метров.

— Примерно как девятиэтажка, — озвучил себе для визуализации размера Сергей Михайлович. Красиво. Дорого. Зловеще.

«Похоже на гроб для очень амбициозного покойника, — мысленно отметил Сергей Михайлович. — Нашего или чужого — пока неясно».

Не американцев. Видится так, что он вообще не наш, не человеческий. Слишком... чисто. Слишком элегантно, не по-человечески. Ни двигателей, ни посадочных опор. Просто висит. В трёх метрах над землёй, выжиг под собой круг вечной мерзлоты и молчит.

«Молчит, сука, — мысленно процедил Михалыч. — Как стена. Или как тёща в гостях — приехала без предупреждения и сидит, смотрит осуждающе».

Он откинулся в кресле, и кожаный подголовник тихо вздохнул. Взгляд его, холодный, выцветший от бессонных ночей и долгих лет чтения между строк секретных докладов, скользнул к боковому экрану. Там уже загорались первые тревожные янтарные огоньки. Активность спутников-шпионов КСН над Арктикой выросла на четыреста процентов. С аляскинских баз поднялись в воздух два гиперзвуковых разведчика «Старскан», их курсы сходились аккуратно над Сибирью. Они ещё попробуют прорваться, проверить границы, пощупать ПВО. Старая как мир игра в кошки-мышки. Только сегодня мышка весила несколько тысяч тонн и прилетела непонятно откуда.

«Ну, летите, — подумал Михалыч. — Поглазеть на чужую игрушку. Только она без батареек, и инструкция не на английском».

Дверь в кабинете открылась без стука. Вошёл полковник Гуров, начальник оперативного управления, с лицом человека, который только что проглотил стакан уксуса. В руках он нёс планшет, прижатый к груди.

— Сергей Михайлович, подтверждение от «Глаза-5». Объект стабилен. Периметр в радиусе пяти километров — чист. Группа «Вепрь» на подходе, расчётное время двадцать минут.

— «Вепрь» — это хорошо. — Голос у Михалыча хриплый, прокуренный. — Приказ: внешнее оцепление. Никаких контактов. Никакого любопытства. Особенно запретить пинать сапогом и писать «Здесь был Вася». Смотреть, фиксировать, молчать. Если объект чихнёт —

доклад в реальном времени. Если кашляет — в записи. Если заговорит на непонятном — вызываем переводчика.

— Есть, — Гуров едва заметно дрогнул уголками губ.

— Наши учёные из Академграда?

— Подняты по тревоге. Доктор Космодемьянская и её группа. Готовы к выдвигению под охраной.

— Космодемьянская... — Михалыч поморщился, будто от зубной боли. Он помнил её личное дело. Циничная, матерящаяся, абсолютно аморальная в научном плане. — Та ещё штучка. Гений на грани. Пусть едет. Но чтобы спецназ её в клетке вёз. Буквально. И чтобы замок надёжный.

— Понял.

Гуров сделал пометку. Пауза повисла в воздухе, густая, наполненная не озвученными вопросами.

— Что ещё, Геннадий Петрович? — Сергей Михайлович прищурился.

— Запад, Сергей Михайлович. Они уже в курсе. Их датчики на Шпицбергене и в Канаде тоже не спят. Через час начнутся «озабоченные запросы» в МИД. Через два — резолюции в ихних советах. Через четыре... — Гуров не договорил.

Михалыч понимал. Через четыре начнётся самое интересное. Либо поток дипломатической шелухи, либо первая разведка боем. Он взглянул на карту. Квадрат 34-Б горел тихим зловещим красным. Как фурункулу на здоровом теле.

«Придётся резать, — подумал он. — И без анестезии. Авось заживёт».

— Геннадий Петрович, — сказал он тихо, но так, что каждый слог прозвучал, как удар топора по чурбаку. — Готовим «Встречу-3». Доводим до командующих 98-й дивизии ВДВ и 22-й бригады. Диспозицию по плану «Буран». Все приготовления — под видом плановых учений. Тишина в эфире — абсолютная. Чтобы даже мыши в тайге пищали на ультразвуке.

Гуров побледнел. «Встреча-3» — не план обороны. Это план ловушки. Приманка — объект. Охотник — любой, кто на него позарится. Цель — уничтожить противника на своей территории, максимально быстро и демонстративно жестоко, не доводя дело до большой войны.

— Сергей Михайлович, санкции... политические последствия...

— Какие, нахуй, санкции? — Михалыч резко встал, и его тень на мгновение перекрыла свет от карты. — Там, в тайге, упала либо величайшая возможность в истории человечества, либо его похоронка. Я лично ставлю на похоронку — у меня нюх на такие вещи. И те и другие сейчас точат ножи. Мы будем вежливо улыбаться их дипломатам, Геннадий Петрович. Улыбаться и готовить вилы. Потому что если они решатся лезть — они полезут не с цветами и резолюциями ООН. Они полезут с теми самыми томагавками и своими наёмниками, у которых в контракте пункт «действия в условиях первого контакта с враждебным внеземным разумом», я гарантирую. Им нужно будет не договориться. Им нужно будет захватить. Быстро, тихо и пока мы не опомнились. А мы... мы должны их встретить. Хлебом-солью не получится. Только сталью. И чтобы соль им эту в раны посыпать.

Он подошёл к окну. Москва внизу была усыпана редкими огнями. Мирный спящий город.

«Спите, граждане, — мысленно сказал он. — Ваш министр обороны сейчас решает, начинать ли Третью мировую из-за чёрного куска непонятного дерьма, упавшего в тайгу. Всё как обычно».

— И доложите президенту, — не оборачиваясь, бросил Михалыч. — Скажите, что ситуация уровня «Армагеддон». Что мне нужен карт-бланш. На привлечение Пакта. Всех. Сейчас.

— Пакта? Китай и... КНДР? Но протокол... Совместные учения нужно согласовывать за три месяца!

— Чёрт с ним, с протоколом! — Сергей Михайлович обернулся. Его лицо в тусклом свете мониторов было похоже на гранитную глыбу, из которой высекли грубые решительные черты. — У нас там бойцов — триста человек. Против того, что может прилететь, они просто не выстоят. Жалко их. А по договору, если один член Пакта подвергается агрессии... Остальные обязаны помочь. Мы сейчас эту агрессию... спровоцируем. Поняли? Не ждать, пока нам в окно вломятся. Подставить им ногу на пороге. И когда они упадут — чтобы наши друзья уже стояли над ними с дубинами. Я не хочу войны, Геннадий Петрович. Я хочу, чтобы одна маленькая стремительная и очень кровопролитная победа отбила у них охоту к большой. И чтобы потом, когда мы разберёмся, что это за штука приземлилась, у нас были союзники за спиной, а не нож в спине. Нож — это неудобно. Со спины не почешешься.

Гуров молча кивнул. Он всё понял. Стратегия Михалыча всегда была проста, как кулак: предугадать удар, подставить под него бронированное плечо, и пока противник ошарашен, всадить ему ответный удар в солнечное сплетение. Жестоко. Не по-джентльменски. Зато эффективно.

— И ещё выясни. Кто у нас такой умный? Мне в интернет пришлось лезть, чтобы узнать, что тетраэдр — это пирамида.

— Уже выяснил. Мы всем штабом освежили познания в геометрии. Доклад составил прапорщик Савченко.

— Прапорщик? — удивился министр. — Возьмите на карандаш. Может, толк выйдет.

— Есть, — коротко сказал Гуров и вышел, оставив дверь приоткрытой.

Сергей Михайлович снова остался один. Он подошёл к центральному экрану, где всё так же парил чёрный тетраэдр. Вытянул палец, коснулся голограммы. Холодно.

— Ну здравствуй, гость непрошенный, — пробормотал он. — Принёс ты нам счастье или горе? Судя по началу — горе. Но мы тут народ привычный. Из горя водку гнать умеем. Главное — чтобы ты наш. Только наш. А за это... мы тут всю планету на уши поставим. Но зато весело будет.

Он потянулся к внутреннему шкафчику, достал плоскую бутылку, отпил. Жидкость обожгла горло.

— За встречу, — сказал он пустому кабинету и экрану с инопланетным артефактом. — Будем знакомы. Только, чур, без сюрпризов. А то я на сюрпризы плохо реагирую.

Глава 2. Алина.

Если бы ад существовал, он, по мнению Алины Космодемьянской, выглядел бы не как огненная бездна, населённая созданиями с рогами и копытами, от безделья тыкающими вилами грешников, а как идеально стерильная лаборатория на девятом подземном уровне Академграда-7 с вечно гудящей вентиляцией и полным отсутствием кофеина в радиусе пяти километров. В данный конкретный момент её личный ад был также дополнен тупой, упрямой аномалией в данных и полным отсутствием вменяемых идей.

— Сука, ну что ты такое? — прошипела она, уставившись на трёхмерную проекцию спектрограммы. Образец породы № 447-ТМ, он же с кодовым названием «Тунгусский чирик», висел в воздухе перед её лицом, мерцая десятками необъяснимых пиков. — Ты не можешь просто так иметь такой изотопный состав! Это против всех блядских правил! Ты что, физику не учил?! Я тебя разве только в микроволновку не засовала!

Она откинулась на спинку кресла, заставив жалобно взвизгнуть колёсики, и запустила пальцы в давно немые волосы. На столе вокруг неё царил творческий хаос: между кружками с засохшим чаем и пустыми пачками стимуляторов лежали обломки странного сплава, найденного в эпицентре Тунгусского взрыва в экспедиции в 2028 году — после того как учёным наконец разрешили копнуть глубже обычного. Эти обломки не поддавались никакой логике. Они были прочнее всего, что умело делать человечество, но при этом их атомная решётка вела себя так, будто с ней играл в кубики пятилетний ребёнок, обладающий доступом к ускорителю частиц.

Алина резко выдохнула и уставилась в потолок, где вентиляционная решётка размеренно дрожала, как живое механическое сердце Академграда.

Вот так всегда, подумала она с нарастающей липкой тоской. Ты на пороге открытия, уже видишь, как оно прорастает сквозь тупые цифры, а тут...

Взгляд её скользнул по обломкам тунгусского сплава. Серебристые, почти живые, они мерцали под лампами так, будто дразнили: «Ну давай, догони».

На экране спектрометра засветилась мигающая красная батарейка, перечёркнутая линией.

— Чёртова стекляшка, — прошептала она. — Чёртовы батарейки, которые постоянно садятся в самый нужный момент.

Она потёрла ладонями лицо, ощутив на пальцах размазанную косметику. «Красавица, блядь, — усмехнулась она про себя. — Ядерная бомба в бигудях».

Какая разница. Кофе нет, сна нет, зато есть кусок металла, который ведёт себя как комок слипшейся магии. Давай работай.

Алина нацепила нейрошлем. Кастомизированную бандуру из проводов и сенсоров, похожую на паука, вцепившегося в голову, — холодный, пахнущий пластмассой и её собственным потом. На внутренней стороне визора зажглись потоки данных. Она мысленной командой увеличила один из пиков спектрограммы.

— Полураспад сто двадцать лет, — пробормотала она. — Искусственный. Однозначно. Но кто, блядь, сто двадцать лет назад мог такое наваять?

Её мысль прервал резкий, пронзительный вой сирены. Не общей тревоги — это был локальный утробный гудок, означавший только одно: немедленную эвакуацию её сектора.

— Да идите вы все в жопу! — Алина даже не пошевелилась. — Я на пороге! На пороге, суки, понимаете?! Ещё пять минут!

Дверь в её лабораторию не открылась. Её вышибли с такой силой, что сейфовый замок оставил на титановой раме глубокую вмятину.

«Ни хрена себе, — пронеслось в голове Алины. — Обычная охрана так дверями не хлопает. Значит, либо пожар, либо конец света». В проёме, заливаемые красным светом аварийных ламп, стояли трое. Не обычная охрана в синей форме, а кто-то другой. Чёрные, облегающие, без опознавательных знаков комбинезоны, шлемы с затемнённым стеклом, оружие — не привычные автоматы, а компактные угловатые штуковины, похожие на степлеры для сшивания реальности.

— Доктор Космодемьянская, — сказал центральный. Голос был механическим, пропущенным через дисраптор. — Вещи первой необходимости с вами? Берите тревожный чемодан. Выдвигаемся. Немедленно.

— Вы кто, блядь, такие? — Алина сорвала с головы шлем. — У меня тут эксперимент! Критическая фаза! Я не могу...

— Объект «Подарок» приземлился в сорока километрах отсюда, — перебил её тот же голос. Без интонаций. — Ваше присутствие на месте требуется Ставкой. Приказ № 1А.

Алина замерла. Мозг, ещё секунду назад кипевший от ярости, мгновенно переключился. «Подарок». Это кодовое слово из её же собственного доклада три года назад, где она на полном серьёзе предположила возможность обнаружения внеземных артефактов в Сибири на основе анализа Тунгусской аномалии. Тогда над ней посмеялись. Но приказ № 1А означал прямую санкцию самого президента или министра обороны. Михалыча. Того, который однажды посетил Академград, посмотрел на её установку и сказал: «Интересная штука. Только смотрите, барышня, не взорвите мне полтайги. Отчитываться потом придётся».

— Приземлился... Упал или сел? — затараторила она, и в её глазах вспыхнул огонёк, перед которым меркли все аварийные лампы. — Жив? Цел? Говорит?

— Сведений нет. Контакт не установлен. Ваша задача — выяснить. Время на сборы — три минуты.

Алина уже двигалась. Её сумка была всегда наготове: походный нейрошлем, портативный квантовый сканер размером с пачку сигарет, набор щупов из материала, который она сама и разработала — сплав, пытавшийся имитировать свойства тунгусских обломков. Она запихала всё в рюкзак, на ходу натянула поверх халата утеплённый жилет и залезла в зимний комбинезон.

— Ладно, солдатики, погнались! — бросила она, прямиком проходя между двумя чёрными фигурами. — Только чур, если он там разговаривает, — первый вопрос мой. У меня их, вопросов, как говна за баней.

Фигуры переглянулись. Один пожал плечами.

Главный группы, кажется, на мгновение застыл. Потом развернулся и жестом приказал следовать. Их движению по пустынным коридорам Академграда сопутствовал воющий рёв сирены. Лифт умчал их наверх, на транспортный уровень. Там, в ангаре, её ждал не обычный вездеход, а что-то угловатое, на гусеницах, покрытое матовым чёрным составом, поглощающим свет. «Буран-М». Машина для самых специфических дел.

Пока они мчались по подземному тоннелю к поверхности, Алина подключила свой планшет к бортовому компьютеру с данными об объекте. На экране замелькали обрывочные данные с внешних датчиков: мощный электромагнитный импульс на момент посадки (уже сошёл), нулевое тепловое излучение, странные колебания гравитационного фона в эпицентре.

— Охереть, — прошептала она. — Совсем охереть. Он не просто упал. Он... приземлился. Аккуратно так. Как кошка на диван.

— Доктор, — раздался тот же механический голос. Солдат сидел напротив, неотрывно глядя на неё через тёмный визор. — Протокол предписывает вам соблюдать тишину в эфире.

— А я и не в эфире, я сама с собой болтаю, — огрызнулась Алина, но тут же, заметив, как солдат напрягся, сменила тон на деловой. — Ладно, боец. Ты хоть имя своё назови. Или позывной. А то «мистер Тишина-в-эфире» — это несерьёзно.

Солдат застыл на секунду, его шлем с затемнённым стеклом повернулся к ней, и из динамиков раздалось:

— ...Старший сержант Ковалёв Дмитрий. Группа «Вепрь-2».

— Ковалёв, значит, — Алина хмыкнула. — Слушай, Дмитрий. Ты, наверное, сейчас думаешь: везёт же мне, приставлен к полоумной бабе с учёной степенью. Так я тебя успокою: я не полоумная. Я просто переживаю и нервничаю за работу. Так что у нас общая цель: выяснить, что это, и не дать ему разнести полтайги.

Ковалёв молчал. Потом, после долгой паузы, его механический голос произнёс:

— Вас понял. Но протокол остаётся в силе. Никакой самодеятельности.

Обижаясь, усмехнулась Алина, отворачиваясь к планшету. *Самодеятельность — это моё второе имя. Только не произнесла это вслух, а то пристрелят ещё.*

— Вы вот лучше скажите — он большой? Форма? Хоть фотку покажите!

Вместо ответа солдат передал ей планшет. На экране была тепловизионная съёмка с разведывательного спутника. В белой пустоте тайги чётко читался идеально чёрный треугольник, паривший над землёй. Ни шлейфа, ни кратеров, ни лужи расплавленного металла. Чистая геометрия в хаосе природы.

У Алины перехватило дыхание. Это было красиво. Дьявольски, нечеловечески красиво.

— Тетраэдр... — выдохнула она. — Одна грань кверху. Стабильная левитация. Значит, либо антигравитация, либо он так ловит местное поле, что нам и не снилось... Блядь, да это же...

«Буран» с грохотом вырвался из тоннеля на поверхность, слегка подлетев, как на трамплине, сидевших внутри немного тряхануло, но многоточечные ремни справились со своей задачей. Яркий свет фар выхватил из тьмы стену вековых елей, засыпанных снегом. Они неслись по военной дороге, раскачиваясь на ухабах.

— Ехать до периметра семнадцать минут, — доложил водитель.

— Ещё семнадцать минут этой дурацкой тряски, — как вечно недовольный подросток, проворчала Алина, впиваясь взглядом в планшет. — Эй, вы, мистер Тишина-в-эфире. У вас там, у этого ящика, Wi-Fi есть? Хоть какие-нибудь предварительные данные со сканеров?

Солдат молчал. Потом, словно против воли, кивнул и протянул ей ещё один кабель. Алина воткнула его в свой сканер, и её нейрошлем ожил. В него хлынул поток сырых данных с приборов, уже установленных вокруг объекта. Спектры, показания магнитометров, замеры фонового излучения...

И тут она её увидела.

Не цифру. Не график. А закономерность. Колебания гравитационного фона вокруг объекта не были хаотичными. Они повторялись. Сложно, многослойно, но повторялись. Как... дыхание. Или пульс. Или протокол рукопожатия.

— Мать вашу... — Алина застыла, её пальцы непроизвольно дёрнулись в воздухе, будто набирая невидимый код. — Да он же не молчит... Он всё время говорит. Просто... на другом языке. На языке полей. Он типа... «Алло, приём! Меня кто-нибудь слышит?» И ждёт ответа на той же частоте!

Она рванула к своему рюкзаку, начала наспех собирать из приборов какую-то адскую конструкцию, приматывая скотчем один блок к другому.

— Что вы делаете? — наконец не выдержал солдат.

— Отвечаю на звонок, кретин! — огрызнулась Алина. — Он тут «алло» кричит в эфир, а мы сидим, уши развесив! Надо послать ответный сигнал! Привет, мол, и мы тут не лыком шиты!

— Это запрещено! Несанкционированный контакт...

— Ой, отстань со своими запретами! Если мы сейчас не поздороваемся, он может решить, что тут одни дебилы живут и... ну я не знаю, улететь обратно или самоуничтожиться! Первое правило гостеприимства — поздороваться с гостем! А то он подумает, что мы невоспитанные!

«Буран» резко затормозил. Впереди в свете фар мелькнули фигуры в белом камуфляже — спецназ «Вепрь». Они стояли у края просеки, за которой начиналась зона отчуждения.

— Приехали, — сказал солдат и открыл люк. Ледяной воздух ворвался внутрь, но Алину это не остановило. Она выпрыгнула в снег, сжимая в руках свою самодельную «ответную станцию».

И тут же её схватили за плечо. Жёстко, но без злобы. Солдат, мистер Тишина-в-эфире, оказался рядом, будто материализовался из морозного воздуха. Сквозь затемнённый визор его шлема она разглядела только смутный отсвет фар.

— Наденьте, — гаркнул он поверх рокота двигателя, протягивая ей чёрный мотоциклетный шлем с шевроном гражданского персонала. — Дальше — только на снегоходе.

— Далеко ещё? — спросила Алина, беря шлем. Холодный пластик обжёг пальцы.

— То, что вы заботитесь о моей сохранности, — это, конечно, трогательно, — пробормотала Алина, натягивая шлем. Внутри пахло озоном и мужским грубым одеколоном. — Но вы очень молчаливый. Вам это говорили?

Солдат не ответил. Он сел за руль, мотнув головой, показал, чтобы Алина садилась. Устроившись сзади, она одной рукой вцепилась в поручень, другой — в его разгрузочный жилет.

— Держитесь крепче, — сказал он, и снегоход рванул с места.

Ветер ударил в шлем, как мешком с гвоздями. Снежная пыль взметнулась за кормой, скрывая брошенный «Буран». Они понеслись по узкой, едва заметной тропе между вековых сосен. Ветки хлестали по плечам Алины, но она уже ничего не чувствовала — только бешеный ритм гусениц и оглушительный свист в ушах.

«Отлично, — подумала она, вцепившись в поручень снегохода так, что побелели костяшки. — Только не хватало свернуть себе шею за километр от того, зачем меня сюда притащили. Вот тогда Михалыч точно обрадуется».

Снегоход взлетел на пригорок, на секунду повис в воздухе, и в просвете между стволами она увидела его. Чёрный. Молчаливый. Парящий над снегом, как кусок чужой, абсолютно бесчеловечной геометрии.

— Тормози! — заорала она в микрофон шлема, но солдат и сам уже сбросил газ. Они остановились на опушке в трёхстах метрах от объекта.

Прямо перед ней в разрыве между деревьями висел Он.

Чёрный тетраэдр. Совершенный. Безмолвный. И от него исходила волна чистого немомго изумления. Алина поняла это чувство всем нутром. Так смотрит учёный на идеально чистый эксперимент.

Она щёлкнула выключателем на своей бандуре. Прибор жалобно запищал, уходя в ультразвук, пытаясь выдать заданную ею модуляцию гравитационных волн.

И чёрная грань тетраэдра повернулась к ней.

Луч света, холодный и тонкий, как игла, ударил ей прямо в грудь. Не больно. Но на внутренней стороне её нейрошлема взорвался фейерверк из символов, уравнений, схем... и один очень чёткий образ: такой же тетраэдр, но разбитый, покрытый льдом, вросший в землю. Рядом с ним — карта звёздного неба с двумя помеченными точками. Одна — здесь. Другая... старая, давняя.

Голова готова была лопнуть от перегрузки. Алина рухнула на колени, но не от слабости. От восторга. Она улыбалась, не замечая, что из носа пошла кровь.

— Второй... — прохрипела она в микрофон, вделанный в воротник. — Он... не первый... Тунгуск... это был первый... Они связаны... О, блядь...

И потеряла сознание с блаженной, сумасшедшей улыбкой на лице.

Ковалёв подбежал к Алине:

— Врача, быстро! Срочная эвакуация!

Он взял её на руки и понёс к волокушам, прицепленным к снегоходу. Аккуратно уложил на них.

— Срочно доложить наверх! — скомандовал он.

Сам разместился на волокушах так, чтобы прижать Алину своим телом, — её не должно было скинуть на скорости.

— Поехали! Гони быстрее!

Снегоход взревел, взметнув за кормой фонтан снежной пыли. Старший сержант Дмитрий Ковалёв, лежа на волокушах, одной рукой вцепился в поручень, другой — прижимал к себе бесчувственное тело Алины. Её голова моталась, но он зафиксировал её плечом, закрывая от ледяного ветра и низких веток, что хлестали над головой.

— Газ до упора! — крикнул он в микрофон шлема, и его подчинённые, два бойца, вжались вперёд, как на спортбайке. Гусеницы заскрежетали по насту, снегоход рванул вперёд, на секунду Дмитрию показалось что он не едет, а летит, оторвавшись от снега. Техника неслась по узкой накатанной тропе между стволов деревьев. Снежная каша летела из-под гусениц комьями, ветки били по бронированным шлемам. Путь, занявший почти двадцать минут довольно быстрого движения, они преодолели меньше чем за восемь.

У края просеки, на том месте, где они оставили бронетранспортёр, уже всё было готово к эвакуации. Бортмеханик откинул задний люк, военный врач — старший лейтенант медицинской службы Виноградов — стоял с носилками наготове. Снегоход затормозил юзом, волокуши с Алиной подкатали почти вплотную к трапу.

— Жива! — выдохнул Ковалёв, спрыгивая и помогая аккуратно переложить Алину на носилки. Её лицо было белым как снег, из носа и ушей сочились тонкие струйки крови, но грудь поднималась — часто, неровно. — Открыла контакт с объектом. Не известно, чем и как. Сразу отключилась.

— Понял. Загружаем! — Виноградов жестом подозвал второго санитаря. Носилки скользнули внутрь «Бурана». Ковалёв запрыгнул следом, захлопнув за собой люк. Двигатели взревели, машина развернулась на месте и, поднимая тучи спрессованного снега, рванула, не разбирая дороги, в сторону Академграда-7.

Внутри царил полумрак. Алину закрепили на откидном рундуке, врач уже подключал портативный кардиомонитор, накладывал кислородную маску, проверял зрачки фонариком. Пахло металлом, лекарством из вскрытых врачом ампул и кровью.

— Давление — 60 на 40, пульс — нитевидный, — проговорил он, не отрываясь от приборов. — Нейрогенный шок. — Он схватил рацию, висевшую на бронежилете. — «Скорая-1» — это «Буран». Приём!

— На приёме, — раздался в динамике спокойный женский голос диспетчера медслужбы Академграда.

— У нас критический пациент, доктор Космодемьянская. Подозрение на тяжёлую черепно-мозговую и нейросенсорную перегрузку. Эвакуация наземным транспортом с места контакта. До центра — двадцать пять минут. Организуйте встречу реанимационной бригады у шлюза № 3, подготовьте томограф и нейрохирурга. У неё признаки внутричерепного кровоизлияния, по данным полевого сканера.

— Принято, «Буран». Передаю в приёмный покой. Бригада будет через пятнадцать минут на месте. Что с пациенткой?

— Стабильно тяжёлая. Отвечает на болевые раздражители, но без сознания. Провожу инфузионную терапию.

— Принято. Держите связь.

Виноградов достал из укладки шприц, ввёл препарат в капельницу. Алина застонала сквозь зубы, но глаза не открыла.

Ковалёв, сидевший на корточках у стенки, сжимая в руке свой шлем, тихо сказал в свой канал связи, переключив его на командную частоту «Вебрь»:

— «Вебрь-1», я — «Вебрь-2». Доктор Космодемьянская эвакуирована, состояние критическое. Контакт с объектом состоялся. Результат не известен. Каким способом неизвестно. Похоже на прямой нейрообмен без физического подключения. Объект, повторяю, вступил в коммуникацию. Прошу немедленно доложить наверх.

Из наушника пришёл короткий, рубленный ответ:

— «Вебрь-2», вас понял. Докладываю. Обеспечьте сохранность доктора любой ценой. Ждите дальнейших указаний.

— Есть.

Ковалёв отключил микрофон, посмотрел на бледное, искажённое болью лицо Алины. Её губы шевелились, будто она пыталась произнести что-то, но из горла вырывался только хрип.

— Держись, учёная, — тихо сказал он, вытирая кровь с её щеки тампоном, который протянул Виноградов. — Ты только что сделала то, что никто в мире не делал. Мы тебя вытащим.

«Буран» вылетел на прямую, расчищенную грейдером дорогу, прибавил ходу. В свете фар мелькали бетонные плиты ограждения, высоковольтные линии, антенны связи. Городок учёных приближался. На горизонте уже виднелись тусклые, сквозь пургу, огни въездного КПП. Там у медицинского блока их уже ждали — реанимационная бригада в скафандрах изоляции и главврач, поднятый по тревоге звонком из Ставки.

Глава 3. Джейсон Фокс.

Высота — двадцать восемь километров. Скорость — Мах 5.2. Температура обшивки — восемьсот градусов по Цельсию. За иллюминатором кокпита «Старскана» бушевало море огня — плазма, рождаемая трением об атмосферу. Внутри же было относительно тихо, прохладно и почти медитативно. Почти.

Джейсон Фокс проверял показания. Все системы «Сокола-1» в норме. За спиной в пассажирском отсеке его команда из двенадцати человек — лучших из тех, кого можно было купить за деньги. Каждый был погружён в свои предбоевые ритуалы: кто-то мысленно повторял карту местности, кто-то проверял уже десятый раз снаряжение, кто-то просто смотрел в пустоту — в большинстве случаев это означало что человек молится. Фокс понимал их всех. Сам он в такие моменты любил вспоминать свою первую крупную покупку — яхту «Ускользящая». Как он стоял на её палубе у берегов Барбадоса, пил виски и думал: «Вот она, жизнь». Сейчас яхта мирно покачивалась где-то в Карибском море, а он летел в самое пекло сибирской тайги. Ирония, fucking, судьбы.

— «Сокол-1», здесь «Гнездо». Выходим на рубеж отделения через тридцать секунд. Готовность к проникновению в зону ПВО, — раздался в шлеме спокойный голос оператора с базы в Норвегии.

— Вас понял, «Гнездо», — ответил Фокс, пальцы уже лежали на рычаге управления. — Снижаемся по профилю «Призрак». Готовьте данные последнего спутникового пролёта.

— Данные поступают. Целевая зона активна. Обнаружены наземные силы противника в радиусе пяти километров от объекта. Лёгкая техника, пехота. Признаков тяжёлых систем ПВО не видно.

«Пока тихо, — мысленно отметил Фокс. — Чисто».

Профиль «Призрак» предполагал не просто снижение, а сложный, изломанный манёвр с имитацией падения метеозонда — чтобы на экранах российских радаров они на несколько критических минут стали неразличимым шумом. Технология стоила миллиарды. Она и была главным аргументом «Одиссея».

— Отделение через пять, четыре, три, два, один... Отделение.

Раздался глухой удар, и «Старскан» содрогнулся. Гиперзвуковой блок отстрелился, и теперь они планировали на почти невидимых для радаров крыльях из метаматериала. Падение стало резче. В иллюминаторе огненный шторм сменился чёрным небом, усеянным звёздами, а затем — сплошной, бездонной темнотой тайги внизу.

— Включаем активный камуфляж, — скомандовал Фокс. — Все на своих местах. Приземление в точке «Альфа» через девяносто секунд. Первая цель — установить периметр. Никаких контактов до моего приказа. Мы мыши, а не буйволы.

За его спиной раздалась щелчка пристёгивающихся карабинов, тихие голоса подтверждений. Профессионалы. Не задают лишних вопросов. В этом был и плюс, и минус. Плюс — предсказуемость. Минус — когда всё летит к чертям, им иногда не хватает той самой искры, инициативы. Или паранойи.

«Старскан» с почти неслышным шипением коснулся снега на крошечной, заранее выбранной поляне в двадцати километрах от цели. Активный камуфляж слил его очертания с лесом. Люки открылись беззвучно. Морозный воздух, пахнущий хвоей и снегом, ворвался внутрь. Минус тридцать два показал экран дополненной реальности.

— По контуру, быстро, — прошептал Фокс, выскальзывая наружу. Его костюм «Фантом» моментально адаптировался к температуре и фону. На внутреннем дисплее шлема загорелись зелёные метки его людей, растекавшихся по периметру, и скудные данные с борта: атмосфера — в норме, радиационный фон — в норме, связь с «Гнездом» — устойчивая.

«Где же ты, русский медведь? — думал Фокс, приседая за толстым стволом кедра. — Где твоя армия, где твои солдаты?»

— «Сокол-1», «Гнездо». Обновили карту тепловых сигнатур. Видим вашу группу. Видим расчёт русских в четырёх километрах к востоку. Они статичны. Похоже, просто сторожевое охранение. Рекомендуем обход с севера.

— Вас понял, — ответил Фокс. — Двигаемся по маршруту «Бета». Поддерживайте тишину в эфире.

Они поползли вперёд, как призраки. Снег под ногами не хрустел — подошвы ботинок гасили звук. Даже дыхание было слышно только внутри шлемов. Лес вокруг был тих и величественен. Гигантские деревья, закутанные в снежные шубы, стояли, как немые стражи. Фоксу почему-то вспомнился старый документальный фильм про экспедицию Джорджа Кеннана. Тоже американец. Тоже Сибирь. Тоже холод.

Шли час. Два. Пройдено двенадцать километров. Никаких контактов. Ни мин, ни датчиков, ни патрулей. Это начало нервировать.

— «Гнездо», «Сокол-1». Слишком чисто. У них тут должен быть хоть один мобильный комплекс. Хотя бы «Панцирь».

— Данные спутников чистые, «Сокол-1». Возможно, они не успели перебросить.

«Или не стали, — мрачно подумал Фокс. — Потому что...»

Внезапно на внутреннем дисплее у одного из замыкающих — Родригеса, бывшего рейнджера, — замигал жёлтый значок.

— Хефе, — тихий голос в общем канале. — Компас глючит. Стрелка дёргается.

Фокс посмотрел на свой. Магнитный компас действительно показывал какую-то дичь, колеблясь на двадцать градусов. Электронная навигация пока работала.

— Электромагнитные помехи? — спросил он.

— Нет, фон в норме, — ответил техник группы. — Это что-то другое. Локальное.

Тревога, тихая и холодная, провела пальцами по его позвоночнику. Он поднял руку, сжав кулак, — сигнал «стоп». Группа замерла.

— «Гнездо», «Сокол-1». Проверьте связь. У нас возможны локальные помехи.

— Связь с вами устойчивая, «Сокол-1». Канал чист.

И в этот момент пропал спутниковый сигнал. Просто исчез. Иконка на дисплее потухла. Одновременно с этим электронная карта в шлеме Фокса замерла, а потом начала медленно вращаться, теряя ориентацию.

— Чёрт! Навигация падает!

— У меня тоже!

Голоса в канале участились, сохраняя выученную сдержанность, но в них уже звенела доля паники.

— «Гнездо», «Сокол-1»! У нас сбой систем наведения! Повторяю, сбой! Что происходит?!

Ответа не было. Только лёгкий шипящий звук с редкими щелчками в наушниках.

Фокс отчаянно пытался сориентироваться по старомодному аналоговому компасу на запястье. Тот бешено вращался, словно сумасшедший.

— Так... Спокойно, — сказал он себе и группе. — Возвращаемся к точке «Альфа». По солнцу. По памяти.

Но солнца не было видно за плотным слоем облаков и крон деревьев. А память в бесконечном однообразном лесу — ненадёжный союзник. Следы уже давно замело.

Они шли ещё полчаса, пытаясь выйти на обратный курс. И попали прямо на минное поле.

Первый подорвался Смитти. Раздался негромкий сухой хлопок, и его левая нога ниже колена просто исчезла в облаке розового тумана и раздробленного композита костюма. Он упал без крика, только короткий выдох в эфир.

— Мины! Круговая оборона! — закричал Фокс, отскакивая за дерево. Но отскакивать было уже некуда. С земли из-под снега начали подниматься тонкие, почти невидимые нити — датчики натяжения. Они были повсюду.

— Это... это... умные мины, — простонал техник, прежде чем рядом с ним взорвалась вторая, подбросив его тело, как тряпичную куклу.

И тут из леса почти беззвучно начали стрелять. Не громкие выстрелы автоматов, а тихие, словно щелчки, звуки бесшумных снайперских винтовок. Пули били точно в сочленения костюмов, в блоки питания, в оптику. Не для убийства. Чтобы обездвигить, ослепить.

— Засада! — крикнул Фокс, давая очередь в сторону вспышек. Его люди пытались отстреливаться, но они стреляли в пустоту. Противник был невидим. Невидим и вездесущ.

— «Гнездо»! Нас атакуют! Нам нужна эвакуация! Координаты... — он посмотрел на сдохший дисплей. — Fuck... координаты не знаю! Примерно в десяти километрах от цели!

В ответ — только шипение. И новый голос, чужой, прорвавшийся в их частоту. Голос говорил на ломаном, но понятном английском:

— Солдаты удачи. Ваш контракт... аннулирован. Сдавайтесь. Или умрите в неизвестности. Выбор... за вами.

Фокс прислонился спиной к дереву, переводя дыхание. Вокруг него в снегу лежали или медленно умирали его люди. Он видел, как у Родригеса запотевал изнутри визор, — значит, система жизнеобеспечения повреждена. Смитти истекал кровью. Техник не двигался.

Он был в ловушке. В полной, абсолютной технологической ловушке. Их, лучших из лучших, с их миллиардным снаряжением взяли как котят. Почти без боя. Проще, чем он брал укрепленные усадьбы наркобаронов в Колумбии.

Он отцепил от пояса гранату. Посмотрел на неё. А потом услышал в своём шлеме слабый, прерывистый сигнал. Не с «Гнезда». Это был открытый гражданский канал. Женский голос, полный паники:

— ...повторяю, это экстренное вещание! В Нью-Йорке беспорядки! Протестующие штурмуют офисы «Одиссея»! Они говорят, что нас обманули! Что там, в Сибири, нет никакой угрозы, только...

Голос оборвался. Потом другой голос, мужской, официальный: «...не поддавайтесь панике. Операция "Гиперборея" проводится в интересах международной безопасности...»

Фокс выключил приёмник. Ему стало смешно. Горько, цинично и очень смешно. Их бросили. Не только здесь, в лесу. Их бросили там, дома. Миссия провалена ещё до того, как они сделали первый выстрел. А он, Джейсон Фокс, лучший в своём деле, сейчас умрёт в снегу за чужую, никому не нужную авантюру.

Он только хотел взвести гранату.

— Ну что ж, — прошептал он в пустоту. — Если уж помирать, то с музыкой.

И в этот момент из-за дерева в десяти метрах от него вышел человек. Не в высокотехнологичном камуфляже. В обычном белом маскхалате, с автоматом Калашникова старого образца в руках. Лицо спокойное, даже скучающее. Он посмотрел прямо на Фокса, на гранату в его руке и покачал головой. Потом жестом показал: «Положи».

Фокс замер. Он мог бросить гранату. Убить этого русского и себя. Или...

Он разжал пальцы. Граната беззвучно упала в мягкий снег. Русский кивнул, подошёл, аккуратно поднял её, загнул усики чеки обратно и положил в карман. Потом жестом велел Фоксу встать и снять шлем.

Холодный воздух ударил в лицо. Он видел своё дыхание, парящее в морозном воздухе. Видел, как к его раненым товарищам подходят другие такие же белые фигуры, начинают оказывать первую помощь. Без злобы и ненависти. Как механики чинят сломанные машины.

Русский, который обезвредил гранату, посмотрел на него.

— Война окончена, — сказал он просто. — Для вас.

Фокс не нашёл, что ответить. Он только смотрел, как последние огоньки на дисплеях его костюма гаснут один за другим, словно умирающие звёзды. И думал о яхте. О тёплом Карибском море. И о том, какой же он был идиот.

Они связали ему руки за спиной пластиковыми стяжками, не грубо, но и не церемонясь. Просто стандартная процедура. Русский, обезвредивший гранату, обыскал его на предмет скрытого оружия, нашёл два запасных магазина, нож и маленький пистолет-лилипут в подкладке. Всё это молча убрал в свой вещмешок.

— Get up, — сказал он. — Go.

Фокс встал. Ноги дрожали от адреналина и холода, но он заставил их слушаться. Его повели вглубь леса, подальше от места засады. Минут через двадцать они вышли на узкую, укатанную снегоходами дорогу. Здесь уже кипела жизнь, никак не вязавшаяся с мёртвой тишиной тайги.

Всюду сновали солдаты. В обычной камуфляжной форме цвета хаки, с российскими триколорами на рукавах. Они разгружали ящики с оборудования с тягачей на гусеничном ходу, устанавливали антенные комплексы, натягивали маскировочные сети между деревьями. Это была не просто засада. Это был передовой оперативный пункт. Полноценный, хорошо оборудованный и, судя по всему, развёрнутый здесь уже какое-то время.

Фокс почувствовал, как у него ёкнуло в груди. Значит, они не просто попали в случайную засаду. Их появление здесь ждали. Знали маршрут. Знали их возможности. И подготовились.

Невидимые мины. Подавление связи и навигации. Снайперы, знающие слабые места их костюмов. Это не реакция. Это продуманная схема. Их не обнаружили по пути. Их заманили. И вели сюда, на это минное поле, как скот на убой.

«Они играли не в войну, — с ледяной ясностью подумал Фокс. — Они охотились. А мы были дичью».

Его провели мимо полевой кухни, откуда пахло дымом и чем-то мясным. Солдаты, сидевшие на ящиках с пайками, с ленивым, профессиональным интересом посмотрели на пленного в суперсовременном, но грязном и порванном костюме. Никто не свистел, не оскорблял. Просто смотрели, как на диковинку в зоопарке.

— Жди, — сказал его конвоир и отошёл к группе офицеров, обсуждавших что-то над планшетом.

Фокс стоял, сгорбившись. Холод начинал пробираться сквозь повреждённый костюм. Он смотрел на русских солдат. Они не выглядели как супермены. Выглядели... нормально. Усталые, немного небритые, кто-то курил. Но в их движениях была та самая спокойная уверенность, которую не купишь ни за какие деньги. Уверенность людей, которые находятся у себя дома.

И тут его взгляд уловил нечто, отчего кровь окончательно застыла в жилах.

На краю лагеря у огромной радиостанции на шасси грузовика стояли двое солдат, разговаривая. Их камуфляж был другим — более тёмным, с непривычным для глаза узором. На рукавах были нашивки. Не российский триколор. Нашивки с красной звездой, серпом и молотом и иероглифами, которые Фокс, проходивший подготовку по азиатскому театру военных действий, узнал мгновенно. Корейская народная армия.

Один из них, невысокий коренастый офицер, что-то говорил своему рослому русскому коллеге, указывая на карту. Русский кивал. Их общение было лишено даже тени недоверия или непонимания. Слаженное. Как у партнёров, давно работающих вместе.

— Союзники... — прошептал Фокс. Вот куда пропали все высокотехнологичные русские ПВО. Их просто не задействовали. Потому что на земле уже ждала не российская, а объединённая оборона. Причём такая, о которой у разведки КСН не было ни единого fucking слова. Это был полный, тотальный провал не только тактический, но и стратегический.

Его конвоир вернулся в сопровождении русского офицера — капитана, судя по погонам. Офицер внимательно осмотрел Фокса.

— Джейсон Фокс, кодовое имя, как ни странно, тоже «Лис», командир отделения «Гамма» ЧВК «Одиссей», — сказал капитан на чистом, с лёгким акцентом английском. — Добро пожаловать в Сибирь. Жаль, что при таких обстоятельствах.

«Лис» молчал. Что тут можно сказать?

— Ваши раненые получили помощь. Выживут. С вами будут обращаться в соответствии с Женевской конвенцией, — продолжал капитан. — У нас к вам несколько вопросов. Позже. А сейчас... вам нужно отогреться.

Его отвели к брезентовой палатке, поставили на колени и перерезали стяжки. Внутри палатки было на удивление тепло от переносной печки. На ящиках из-под боеприпасов сидели ещё двое его людей — Родригес и молодой снайпер Картер. Они были без верхнего слоя брони, в одном термобелье, закутаны в серые одеяла. Картер дрожал. Родригес встретил взгляд «Лиса» и еле заметно покачал головой: «Всё хреново, шеф».

— Сидите, — сказал конвоир. — Есть будете позже. Не шумите.

Он вышел, оставив у входа часового.

Минуту в палатке царила тишина, нарушаемая только треском печки и прерывистым дыханием Картера.

— Они... они знали, шеф, — наконец прошипел Родригес. — Они знали всё. Где мы приземлимся, как пойдём... У них даже частоты наши были. Мой «Фантом»... он просто отключился по команде. Как будто его выключили дистанционно.

— Не может быть, — хрипло сказал Картер. — У «Фантома» нет внешнего интерфейса...

— А у них, видимо, есть, — мрачно закончил Фокс. Он посмотрел на свои руки. — Это не мы их прозевали. Это они нас... вырастили. Как скот на убой. И использовали наши же технологии против нас.

Мысль была чудовищной. «Одиссей» гордился своим технологическим превосходством. А тут оказалось, что противник не только не отстаёт, но и умеет взламывать их «коронные» системы с пугающей лёгкостью.

Снаружи донёсся гул тяжёлых двигателей. Фокс осторожно отодвинул полог палатки на сантиметр. На дорогу въезжала колонна. Не российская техника. Это были грузовики с высокими решётчатыми бортами и камуфляжем, который он видел лишь на учениях в глухих уголках Азии. За ними — лёгкие танки с длинноствольными пушками, похожие на старые советские модели, но модернизированные.

— Это... северокорейцы? — не веря своим глазам, прошептал Родригес.

— Да, — коротко бросил «Лис». — И похоже, их тут немало.

Колонна проехала дальше вглубь леса. На борт одного из грузовиков был нанесён белой краской опознавательный знак: перекрещенные молот и стрела, а ниже — латинскими буквами: «VOP — SEKTOR 4».

Восточный Оборонительный Пакт. Теоретический союз, о котором аналитики твердили годами, но который все считали фикцией, пропагандистской ширмой. Он оказался реальностью. И он действовал здесь, в сибирской глуши, с пугающей отлаженной эффективностью.

Фокс отпустил полог и откинулся на ящик. В голове крутилась одна-единственная мысль, холодная и ясная: миссия «Гиперборея» была обречена с самого начала. Её обрекли не русские. Её обрекло новое геополитическое уравнение, которое старый мир в Вашингтоне и Брюсселе просто отказался признавать. Они послали его и его людей не на операцию. Они послали их на разведку боем. И они эту разведку проиграли.

Он закрыл глаза. Перед ним снова всплыла яхта. Тёплое солнце. И голос жены.

«Прости, Сара, — подумал он с горькой иронией. — Кажется, твой муж оказался тем ещё идиотом. Но, чёрт возьми, мы хотя бы выяснили, с кем имеем дело. Жаль, что нам уже некому об этом рассказать».

Снаружи, в лагере, кто-то скомандовал по-русски. Загремели ящики, заурчали двигатели. Новая игра только начиналась. Но для Джейсона Фокса и его команды она была уже закончена. Они стали первыми, но, он чувствовал, далеко не последними жертвами большой тихой перестройки мира. А сам мир об этом даже не догадывался.

Глава 4. Расчёт безнадёжности.

Вилла «Эдельвейс», Интерлакен, Швейцария. День 1 после приземления «Объекта».

Вид из панорамных окон должен был завораживать: Альпы, зубчатые пики, утопающие в вечерней дымке. Сэр Эверард Локк не видел ничего. Его взгляд был обращён внутрь, в пустоту, которую не мог заполнить даже тридцатилетний односолодовый виски в его бокале.

Комната, стилизованная под альпийский шале, была полна тишины. Не комфортной, а тяжёлой, как свинцовое покрывало. Здесь не было флагов, гербов, официальных протоколов. Здесь был реальный нервный узел Коалиции Свободных Наций (КСН). Место, где принимались решения, которых никогда не увидит ни парламент, ни конгресс.

За столом из тёмного венге кроме него сидели двое.

Виктория Кроу, сенатор, председатель комитета по разведке. Её стремительная карьера была построена на умении чувствовать ветер и делать ставки на сильнейших. Сейчас её макияж не мог скрыть лёгкой дрожи в уголках губ.

Доктор Артур Морган, лицо без лица. Номинально — глава совета директоров транснационального концерна «Гефест-Индастриз». Реально — один из серых кардиналов, чьи активы пронизывали ВПК, энергетику и медиа КСН. Он молча перебирал чётки из чёрного нефрита, его лицо было маской вежливого внимания.

Напротив них у голографического проектора стоял генерал Томас Алдрич. Он только что закончил презентацию. Карты, схемы, оценки сил. Сухой, профессиональный доклад, который заканчивался цифрой: «Вероятность успеха операции "Гиперборея" при условии внезапности и невмешательства третьих сил — 38,7 %».

— Тридцать восемь целых и семь, — голос Локка прозвучал тихо, почти задумчиво. Он отпил виски, поставил бокал с тихим стуком. — Генерал, если отбросить протокол... ваш личный, солдатский прогноз. Что на самом деле означают эти цифры?

Алдрич замер. Он привык к вопросам политиков, но не к такой прямоте.

— Это означает, сэр, что мы бросаем кости. Если русские не успеют перебросить тяжёлые системы, если их киберзащита даст сбой, если их союзники не среагируют в первые шесть часов... то у нас есть шанс. Один удар, захват плацдарма, эвакуация. Как операция «Коготь орла» в 2011-м, только масштабнее.

— «Если», «если», «если», — Локк покачал головой. — А теперь давайте рассмотрим стопроцентные последствия. Допустим, чудо. Мы выигрываем. Артефакт у нас. Что дальше, Артур?

Морган поднял глаза. В них не было ни энтузиазма, ни страха. Только холодный анализ.

— Дальше — технологическая революция. Не наша! Русские учёные уже сутки работают с объектом. У них связь, они в среде при эвакуации они постараются открутить от него всё что откручивается. Наши специалисты, даже заполучив ядро, будут разбираться с нуля. В лучшем случае — годы обратного инжиниринга. Тем временем Китай, как мы видим, уже инициировал технические сбои в поставках редкоземов и компонентов для наших квантовых систем. Наша цепочка создания технологий... надрезана. Мы будем вечно догонять.

— Это ещё оптимистичный сценарий, — вмешалась Кроу. Её голос звучал резко, сдавленно. — Пессимистичный — они объявят нас агрессорами, разорвут все договоры и применят аналог своей Статьи 5 своего Пакта. Наши силы в Сибири окажутся в мясорубке, а Чжан Вэй обрушит наш фондовый рынок такими методами, против которых наши санкции — детские куличики. Мы получим не технологический прорыв, а полномасштабную, причём проигранную, гибридную войну.

Локк кивнул, глядя в пустоту за окном.

— Именно. Но давайте посмотрим ещё дальше. Допустим, мы отступаем. Отменяем «Гиперборею». Оставляем артефакт им. Что тогда?

Морган щёлкнул пальцем. На голограмме возникла временная шкала.

— Тогда, по нашим моделям, через три–пять лет они деклассируют ключевые технологии артефакта. Через семь — начнут строительство крупномасштабной инфраструктуры, вероятно, орбитального лифта или гравитационного ускорителя. Через пятнадцать... их промышленная и научная база, объединённая в рамках ВОП, достигнет такого уровня, что наша нынешняя гегемония покажется архаикой. Наши авианосные группы, наша система глобального быстрого реагирования... станут музейными экспонатами. Они перестанут с нами считаться не потому, что не хотят, а потому, что разрыв станет слишком велик. Мы окажемся в положении... ну, скажем, Великобритании середины двадцатого века по отношению к восходящим сверхдержавам сегодня. Не враг. Не партнёр. Исторический анахронизм. Дикари с копьями.

В комнате снова повисла тишина. Даже генерал Алдрич, привыкший к стратегическим играм, чувствовал, как по спине ползёт холодок. Это был не анализ поля боя. Это был приговор цивилизации.

— Значит, мы проиграли? — спросила Кроу, и в её голосе впервые прозвучала растерянность. — Даже не начав? Мы просто... устарели?

— Мы проиграли парадигму, Виктория, — мягко сказал Локк. — Мы построили мир на кредитах, на идее бесконечного роста, на убеждении, что нашу модель можно экспортировать силой санкций или шоу. Они построили свою — на страхе, долге, дисциплине и, как теперь выясняется, на готовности к нестандартным угрозам. Их мир, как ни парадоксально, оказался более приспособлен к выживанию в жестокой вселенной.

— Тогда зачем? — Алдрич не выдержал. — Зачем отдавать приказ на операцию, которую вы сами считаете авантюрой? Зачем посылать людей на смерть?

Локк посмотрел на него. В его старых, выцветших глазах не было ни капли жалости. Только усталая решимость.

— Потому что, генерал, это единственный оставшийся у нас ход. Мы не можем выиграть войну за будущее. Но мы можем сделать так, чтобы наше поражение было дорогим для них. Операция «Гиперборея» — это не попытка победить. Это сообщение. Сообщение от умирающей, но всё ещё опасной империи новой восходящей силе.

Он поднялся, подошёл к окну.

— Мы бросаем в Сибирь наш лучший контингент. Мы заставим их воевать. Мы заставим их убивать наших парней. И когда они в конце концов разобьют «Одиссей» — а они разобьют, — у них на руках будет не чистая победа. У них на руках будет груз: трупы, пленные, доказательство нашей агрессии и... наша демонстрация силы. Слабой, отчаянной, но силы. Они будут знать: добить нас окончательно — значит получить партизанскую войну по всему миру, тотальный коллапс логистики, хаос, который поглотит и их ресурсы.

Он обернулся. Его лицо было жёстким, как гранит альпийских скал.

— И тогда, генерал, когда дым над сибирской тайгой рассеется, мы выйдем на контакт. Не как побеждённые. Как сложная проблема. Проблема, которую дешевле решить не добиванием, а интеграцией. На своих, разумеется, условиях. Мы предложим им капитуляцию. Но капитуляцию, которая сохранит наши элиты, наши корпорации, наш образ жизни — пусть и в урезанном, подконтрольном виде. Мы встроимся в их новый мир не как равные, а как младшие, но необходимые партнёры. Со своими нишами, со своим опытом, со своими, прости господи, деньгами. Мы продадим им нашу сдачу. И постараемся сделать это как можно дороже. Вот для чего «Гиперборея». Это цена нашего входа в будущее, в котором мы больше не хозяева.

Генерал Алдрич молчал. Он смотрел на этих людей и понимал, что они только что приговорили его солдат — его команду — к смерти. Не из-за ошибки. Не из-за жадности. Из-за

холодного, бесчеловечного, безупречного расчёта. Его люди были разменной монетой в самой большой сделке столетия.

— Вы понимаете, что вы делаете? — тихо спросил он.

Виктория Кроу посмотрела на него. В её глазах уже не было дрожи. Только ледяной блеск принявшего решение хищника.

— Мы спасаем то, что можно спасти, генерал. Цивилизацию. Нашу цивилизацию. Даже если для этого её придётся... ампутировать. И пересадить в новое тело. У вас есть приказ. Исполняйте.

Когда Алдрич вышел в холодный швейцарский вечер, его тошнило. Не от страха. От осознания. Он и его люди были не солдатами. Они были живым сигналом. Сигналом безнадёжности и последней ставки.

А в комнате с видом на Альпы сэр Эверард Локк налил себе ещё виски.

— Они сделают это? — спросил Морган, не поднимая глаз от чётков.

— Сделают, — ответил Локк. — Потому что они — солдаты. А солдаты умирают, чтобы политики могли торговаться. Надеюсь только, что Чжан Вэй и его русский коллега... окажутся достаточно умны, чтобы понять наш намёк. И примут наши условия. Иначе... иначе всё действительно кончено.

Он выпил залпом. Будущее, которое он только что спланировал, было горьким, как этот виски. Но это было будущее. А альтернатива — небытие.

Глава 5. Чжан Вэй.

Пекин. Офис 617, 89-й этаж башни «Жемчужная игла». Время — 6:48 по пекинскому. За окном — утренний смог, разрисованный неоновыми иероглифами рекламы. Внутри — идеальная тишина, нарушаемая лишь почти неслышным гудением серверных стоек и мягким шелестом системы кондиционирования.

Чжан Вэй не любил слово «война». Оно было эмоциональным, иррациональным, слишком человеческим. Он предпочитал термин «критическое перераспределение ресурсов в условиях конфликта интересов». Ситуация в России классифицировалась у него как «Конфликт-34Б». Объект «Подарок» — «Актив X». Коалиция Свободных Наций — «Субъект-Альфа».

Перед ним в воздухе висело семь голографических экранов. Каждый показывал свой аспект реальности.

Экран 1: Финансовые потоки. Биржа NASDAQ, графики акций ключевых оборонных подрядчиков КСН — «Локхид-Нортруп», «Рейтеон», «Одиссей Солюшнз». Все линии после вчерашнего закрытия уверенно ползли вниз. На 12,3 %, 8,7 % и 15,1 % соответственно. Рыночная капитализация «Одиссея» за сутки испарилась на 4,2 миллиарда долларов. Причина: утечка данных о расследовании коррупции в совете директоров, опубликованная анонимным хакерским коллективом «Красный дракон» в 03:00 по Гринвичу. Чжан Вэй не улыбнулся. Он сделал пометку в протоколе: «Операция "Разъедающая ржавчина", этап 1. Эффективность — 94 %. Переход к этапу 2».

Экран 2: Логистика. Карта мировых морских путей. Три крупных контейнеровоза под флагами Панамы и Либерии, следующих с военным снаряжением для баз КСН в Европе, стояли в Красном море. Официальная причина — «внезапные технические неисправности систем навигации». Неофициальная — их береговые центры управления получили кибернетические инструкции провести «внеплановую техническую проверку». Задержка — 72 часа минимум. Стоимость простоя — 18 миллионов долларов в сутки. Чжан Вэй отметил: «Операция "Тихий штиль". Эффективность — 100 %».

Экран 3: Орбитальная обстановка. Схема размещения спутников. Два американских спутника-шпиона серии «Кей-Хэвок» над Арктикой мигали красным. Их передача данных на наземные станции в Норвегии и Аляске была нарушена. Не глушением. Точечным, избирательным засорением их каналов передачи ложными пакетами данных, имитирующими помехи солнечной активности. Аналитики КСН потратят часы, чтобы отличить шум от реальной атаки. Чжан Вэй записал: «Операция "Зеркальный туман". Эффективность — 87 %. Требуется коррекция алгоритма для спутников новой серии "Кей-Сигма"».

Экран 4, 5, 6: Потоки сырья. Цены на титан, литий, редкоземельные элементы. Динамика добычи. Всё стабильно. Пока. Чжан Вэй ждал сигнала от Ставки ВОП в Москве, чтобы отдать приказ о начале операции «Каменный цветок» — скупке через подставные компании фьючерсов на эти ресурсы, что вызовет искусственный дефицит и панику на рынках КСН через 5–7 дней.

Экран 7: Прямой видеоканал. Тихий заснеженный лес. Чжан Вэй наблюдал за этим экраном с тем же выражением лица, с каким смотрел бы на тестовое видео работы нового промышленного робота.

На экране группа людей в чёрных костюмах осторожно двигалась по лесу. «Одиссей». Метки на карте показывали, что они идут точно по спрогнозированному коридору «Бета». Чжан Вэй знал их маршрут лучше, чем они сами. Его алгоритмы, проанализировав тысячи часов публичных выступлений, интервью и паттернов проведения военных кампаний под руководством командующего операцией «Гиперборея» генерала Алдрича, дали 91 %-ную вероятность именно этого пути.

В углу экрана мигали данные: температура, влажность, скорость ветра. Идеальные условия для наземной операции русских и корейских союзников. Чжан Вэй обеспечил им это. Спутники КСН, которые должны были предупредить о сосредоточении войск ВОП, в ключевой момент «ослепли» из-за запланированной «вспышки на Солнце», данные о которой были искусственно сброшены в их системы за час до начала.

Он наблюдал, как первый наёмник подрывается на mine. Видел, как падают следующие. Видел, как из леса появляются белые фигуры русских и тёмные — корейцев. Бой был коротким, методичным и безэмоциональным. Как работа хирургического лазера.

Чжан Вэй не испытывал ни удовлетворения, ни отвращения. Он фиксировал эффективность: «Тактическая операция "Встреча-3". Координация подразделений РФ и КНА. Время нейтрализации первой цели: 4 минуты 17 секунд. Потери противника: 100 % боеспособности. Потери союзников: 0 %. Эффективность применения средств РЭБ: 98 %».

Он отправил зашифрованное сообщение в Москву и Пхеньян: "Этап «Молот». Эффективность соответствует прогнозу. Инициатива полностью перешла к ВОП. Перехожу к этапу "Наковальня" — полное экономическое и информационное удушение "Субъекта-Альфа"».

Затем он переключил внимание на Экран 1. Графики продолжали падать. Он активировал голосовую связь с одним из своих подчинённых в Шанхае.

— Ли-цзюнь, уровень 4. Запускаем пакет «Чёрный лебедь — 2». Цель — банковская система КСН. Метод — атака на программное обеспечение процессинговых центров. Замедлить. Коэффициент замедления — 0,5. Длительность — 48 часов.

— Понял, господин министр. Будет выполнено.

Чжан Вэй откинулся в кресле. Атака на процессинговые центры вызовет сбой в миллионах транзакций: от зарплат до платежей за коммуналку. Это не будет катастрофой. Это будет раздражением. Массовым, нарастающим раздражением граждан КСН, которые не смогут оплатить счета, получить деньги. Раздражение перерастёт в гнев. Гнев будет направлен на власти, которые ведут непонятную военную авантюру в Сибири. Социальная стабильность — самый уязвимый актив «Субъекта-Альфа». И он начал трещать по швам.

На его планшет пришло сообщение. От Стрелецкого. Текст был кратким как выстрел: «"Подарок" открывается. Наши учёные в контакте. Нужны ваши люди для анализа данных. Скоро, думаю, узнаем, зачем он здесь».

Чжан Вэй позволил себе минимальную, почти невидимую реакцию: его брови приподнялись на миллиметр. «Актив X» переходил из категории «гипотеза» в категорию «фактор». Фактор требовал оценки. Он набрал ответ: «Группа кибернетиков и экзотингвистов из Академии наук будет в Академграде-7 через 6 часов. Обеспечьте безопасный канал передачи данных. Мы интегрируем полученные знания в нашу стратегическую модель».

Он отправил сообщение и снова посмотрел на экраны. Его разум уже строил новые модели. Если «Актив X» нёс технологию — её нужно было не просто изучить, а интегрировать в экономику ВОП с максимальным КПД. Если он нёс угрозу — её нужно было просчитать и нейтрализовать с минимальными затратами. Любая эмоция — страх, жадность, надежда — была помехой в этих расчётах.

Его секретарь вошла без стука — это было разрешено только в условиях «Конфликта».

— Господин министр. Поступила информация. Независимый журналист Майя Рендольф только что обнародовала записи перехваченных переговоров наёмников «Одиссея» из России. Записи полны паники и подтверждают их поражение. Видео уже набирает десятки миллионов просмотров.

Чжан Вэй кивнул. Это был предсказуемый фактор. «Субъект-Альфа» терял контроль над нарративом.

— Отслеживайте реакцию на фондовых рынках и в социальных сетях. Готовьте пакет «Белый шум» — нам нужно усилить эту волну, если их пропаганда попытается её подавить.

— Слушаюсь.

Он снова остался один. Взгляд его упал на маленькую живую орхидею в стеклянном кубе на столе — единственный непрактичный предмет в кабинете. Её поливала и удобряла специальная система по строгому графику. Орхидея цвела. Она была идеальна. Предсказуема. Как и его план.

«Субъект-Альфа» агонизировал. Его военная авантюра провалилась. Его экономика начинала давать сбои под точечными невидимыми ударами. Его общество теряло веру. Это была не победа в классическом смысле. Это была системная деградация противника до состояния неспособности к дальнейшему сопротивлению.

Чжан Вэй взял планшет и открыл файл под названием «Проект "Завтра": Пост-конфликтная архитектура глобальных ресурсных потоков». Война скоро закончится. Начиналась более сложная работа — перестройка мира. И для этого нужны были не солдаты, а архитекторы. Такие, как он.

Он сделал первую пометку в новом файле: Приоритет 1: Интеграция технологий «Актив Х» в промышленный комплекс ВОП. Ожидаемый прирост эффективности: от 300 % до 1000 % в ключевых отраслях. Риски: непредсказуемость внеземных паттернов. Меры: создание изолированных исследовательских зон с дублирующими системами контроля.

За окном Пекина день вступал в свои права. Где-то там за тысячу километров, в сибирском лесу, русские и корейцы собирали пленных. Где-то в Вашингтоне и Брюсселе политики в панике пытались понять, что происходит. А здесь, в тихом кабинете на 89-м этаже, один человек уже строил будущее. Будущее, в котором не было места старому миру. Только цифры, логика и железная воля к порядку.

Он отпил глоток холодного зелёного чая. Вкус был чётким, горьковатым, бодрящим.

Глава 6. Полковник Пак Чоль.

Граница. Река Амур. 05:47 по местному времени.

Стоя в открытом люке бронетранспортёра «Чхоллима-3», Полковник Пак Чоль наблюдал за тем, как последние секции понтонного моста встали на свои гидравлические замки с тихим удовлетворительным щелчком. Мост был возведён за один час и семнадцать минут инженерным батальоном 4-го корпуса. На тридцать три минуты быстрее расчётного времени. Пак отметил это в планшете для последующего поощрения отличившихся.

Его корпус не просто переходил границу. Он встраивался по запросу союзников. Каждая единица техники, каждый солдат имел свои координаты, свой временной слот, свою цель. Колонна растянулась на пять километров по заснеженной русской дороге, но движется она не как железнодорожный состав, а как точный механизм. Уже через несколько часов после приземления союзники запросили поддержку. Через пятнадцать минут поступил приказ о выдвигении. Ещё через десять минут первая техника начала формировать конвой. Никакой суеты. Никаких лишних радиопереговоров. Только короткие зашифрованные сообщения в общий сетевой центр.

Пак спустился внутрь БТР. Внутри пахло машинным маслом, металлом и слабым запахом дезинфектанта. На мониторах перед ним светилась цифровая карта театра военных действий. Зелёные треугольники — его подразделения. Синие квадраты — силы российского союзника, уже обозначенные в системе. И один красный ромб — инопланетный объект. Вокруг него пульсировала жёлтая зона радиусом в пять километров — зона абсолютного запрета для несанкционированного входа.

«Подарок». Пака не интересовало его происхождение. Его интересовали тактические параметры: размер (объективная угроза для манёвра), излучение (угроза для личного состава), возможные защитные системы (угроза для штурма). Пока данные говорили: угроза нулевая. Объект пассивен. Это делало его не опасностью, а активом. Активом, который необходимо удерживать.

Связь с российским полевым командованием была установлена ещё до пересечения границы. Канал был чистым, помехозащищённым. Голос русского полковника, отвечавшего за сектор «Буран», был таким же ровным и лишённым эмоций, как и его собственный. Это обнадеживало.

— Полковник Пак, вас приветствует «Буран-1». Ваши координаты подтверждены. Направляю вам актуальную расстановку. Основная угроза — мобильные группы противника в квадратах «Дельта» и «Омега». Их тактика — быстрые рейды. Ваша задача, как мы и договаривались, — закрепить северный и восточный фланги. Превратить их в стену.

— Понял, «Буран-1». Корпус переходит к операции «Наковальня». Начало развёртывания через 2 минуты после прибытия. Жду подтверждения постановки минно-взрывных заграждений на участках 7-А до 7-В.

— Подтверждаю. Минные поля установлены. Карты препятствий передаются вам сейчас.

На планшет Пака поступили файлы. Русские работали аккуратно. Заграждения не просто перекрывали пути — они загнали вероятного противника в узкие коридоры, идеальные для флангового огня.

Колонна остановилась в назначенном районе сосредоточения — глухом заснеженном лесу в двадцати километрах от объекта. Даже не отдав приказа, Пак знал, что происходит. Солдаты 1-й мотострелковой бригады уже покидали машины. Первое отделение — устройство круговой обороны. Второе — маскировка техники сетями с терморассеивающим покрытием. Третье — установка переносных радаров и датчиков движения. Всё без лишних слов. Каждый

знал свою работу. Они делали это тысячи раз на учениях. Разница была лишь в температуре и в том, что противник на этот раз мог быть настоящим.

Пак вышел наружу. Мороз ударил в лицо, но его дыхание оставалось ровным. Он прошёл по периметру. Солдат, устанавливавший датчик, увидел его, замер, отдал честь. Пак молча кивнул.

— Переверь датчик на десять сантиметров выше, — не командовал, а просто посоветовал Пак. Солдат тут же исправил положение.

Они были не «фанатиками». Они были инструментом. Идеально заточенным, преданным своему предназначению. Их сила была не в индивидуальной ярости, а в абсолютной коллективной дисциплине. Как у муравьёв в гигантском муравейнике. Один муравей — ничто. Миллион муравьёв — сила, способная раздеть до скелета любое животное.

Через час развёртывание было завершено. Пункт управления корпусом — несколько быстро смонтированных модулей, утеплённых и заглублённых в снег, — был готов. На экранах замигали данные с датчиков, поступили первые донесения от разведдозоров.

Именно тогда «Буран-1» вышел на связь снова, и в его голосе Пак впервые уловил лёгкий, едва уловимый оттенок чего-то, что не было сухой информацией. Было похоже на... уважительное недоумение.

— Полковник Пак, у нас ситуация. Группа противника, предположительно диверсионная, проникла в квадрат «Дельта». Наши силы «Вепрь» ведут бой. Но... нужна ваша помощь. Для создания непреодолимого периметра. Чтобы они не прорвались к объекту и не ушли обратно.

— Понял. Координаты и параметры противника.

— Передаю. Группа до пятнадцати человек. Высокотехнологичное снаряжение. Очень мобильны.

Пак изучил карту. Квадрат «Дельта» — холмистая, залесённая местность. Русские уже обозначили свои силы. Их было недостаточно для создания плотного кольца. Они могли быть молотом, но им не хватало наковальни, чтобы прижать противника.

— «Буран-1», — сказал Пак. — Перебрасываю 3-й батальон 112-го полка. Они займут позиции по дуге, координаты передаю. Это создаст непроходимый барьер. Ваши силы могут вытеснить противника на эти позиции.

— ...Согласовано. Ваши люди на марше?

— Они уже на позициях, — ответил Пак, глядя на экран, где зелёные треугольники 3-го батальона уже начинали смещаться, ещё до получения формального приказа, предвосхищая его. — Ожидайте готовности через семь минут.

Следующие двадцать минут Пак наблюдал за тактической картой, как за игрой в го. Синие квадраты русских начали оказывать давление на красные точки противника. Красные точки попытались отступить, но наткнулись на внезапно появившуюся сплошную стену из зелёных треугольников. Попытка прорыва — и красные точки начинали гаснуть одна за другой. Не быстро. Методично. Зелёные треугольники не преследовали. Они просто стояли. И стреляли. Эффективно, экономно, хладнокровно.

«Буран-1» снова вышел в эфир. Теперь в его голосе звучала твёрдая удовлетворённость.

— Полковник, противник нейтрализован. Часть уничтожена, часть сдалась. Ваши люди... действовали безупречно. Благодарю.

— Мы выполнили долг, — сухо ответил Пак. — Статус потерь?

— С вашей стороны — ноль. Передаю координаты для сбора пленных и раненых. Ваши медики могут подойти.

— Наши медики уже идут, — сказал Пак, хотя приказа он ещё не отдавал, это было прописано уставом. Старший врач батальона, увидев характер боя на общей схеме, уже направил санитарные группы.

Пак решил лично посмотреть на результат. Он сел в лёгкий снегоход и через несколько минут был на краю леса, где происходила зачистка. Его солдаты, в тёмном зимнем камуфляже, уже контролировали район. Раненых противников — в странных чёрных, похожих на кожу костюмах — переносили в укрытие. Убитых складывали в ряд, накрывая брезентом. Всё чинно, спокойно, без ненависти и без злорадства. Как работа санитаров в эпидемическом районе.

Один из пленных, мужчина с сединой, в коротко стриженных волосах и лицом, искажённым смесью боли и ярости, увидел Пака в его отличной по крою форме с нашивками КНА. В его глазах вспыхнуло непонимание, а потом — леденящее прозрение.

— Корейцы... — прохрипел он по-английски.

Пак остановился, посмотрел на него. Не как на врага. Как на интересный тактический феномен.

— Да, — ответил он на том же языке. — Мы здесь. И вы здесь. Нас пригласили. А вас?

— Но... это же Сибирь! Какое вам дело?!

Пак наклонил голову, рассматривая пленного, будто редкий экземпляр насекомого.

— Союзник подвергся агрессии. Мы ответили. Всё согласно протоколу. Ваши действия были нерациональны.

Пленный закашлялся, плюнул кровью в снег.

— Эмоции — плохой союзник в военном деле, — констатировал Пак. — Ваша ошибка была в том, что вы полагались на технологию больше, чем на разведку и логистику. Технологию можно нейтрализовать. Глупость — нет.

Он кивнул санитару, чтобы тот продолжил работу, и отошёл. Его внимание привлекла не сцена пленения, а то, что происходило чуть в стороне. Его офицер обменивался данными с русским капитаном. Они стояли над планшетом, русский что-то показывал, его офицер кивал, вносил пометки в свой. Никакого языкового барьера. Только профессиональное взаимодействие.

Это и была суть ВОП. Не братство. Не дружба. Взаимодополняемость. Русские были стратегическим мозгом и стальным кулаком. Китай — скрытыми артериями снабжения и щитом. А Корейская народная армия... они были плотью и кровью. Той самой массой, дисциплиной и неумолимой волей, которые превращали блестящий план в неопровержимый факт на земле.

Вечером, когда первые звёзды появились в прорехе между облаков, Пак получил новый приказ от «Бурана-1». Объект «Подарок» начал проявлять активность. Российские учёные на месте просят усилить охрану и подготовить коридор для эвакуации данных, если что-то пойдёт не так.

Пак отдал необходимые распоряжения. Одна рота была поднята по тревоге и начала выдвижение к самому объекту для усиления внутреннего периметра. Всё шло по плану.

Перед тем как погрузиться в изучение отчётов, он на несколько секунд вышел из модуля. Морозная ночь была невероятно тихой. Где-то там, в двадцати километрах, лежала тайна, способная перевернуть мир. А здесь вокруг него в промёрзшей земле сибирской тайги стояли тысячи таких же, как он, людей. Молчаливых, терпеливых, готовых. Не ради славы. Не ради денег. Ради исполнения долга. Ради того, чтобы их союз, их цивилизация имела право на эту тайну. И на будущее, которое могло из неё прорасти.

Полковник Пак Чоль сделал глубокий вдох. Воздух обжёг лёгкие. Он повернулся и вошёл в тёплый, освещённый огнями приборов модуль. Работа продолжалась.

В его полевом журнале появилась новая запись: «День 1 на территории союзника. Контакт с противником установлен. Противник нейтрализован. Взаимодействие с союзными силами — на уровне 98 %. Потери: нулевые. Объект "Подарок" остаётся пассивным. Рекомендую усилить метеонаблюдение — ожидается усиление ветра, что может повлиять на работу датчиков периметра».

Глава 7. Веперь.

Запись бортового журнала БМП-4М «Варяг», группа «Вепрь-3».

06:12, День 7 после падения «Подарка».

Голос рядового Артёма Климова, 26 лет, оператор-наводчик:

(звук тяжёлого дыхания, скрежет гусениц по мёрзлой земле, приглушённый рокот двигателя)

«...И вот он, сука, седьмой день. Седьмой день после того, как эта чёрная хрень упала в тайгу и всё пошло под откос. Спали урывками, в машине, по часу. Ноги не чувствуешь уже, они как две чурки, примёрзшие к педалям. Кофе из термоса пахнет солярой. Сержант Маховиков, позывной Дед, говорит: "Держись, Артём, скоро смена". А "скоро" было ещё вчера.

Объект — мы его так и не увидели. Нас бросили на внешний периметр, на зачистку. Говорят, основные силы "Одиссея", что прорвались в первые сутки, уже разбиты или отрезаны. Но шавки остались. Отбившиеся, потерявшие связь, загнанные в угол. Самые опасные. Они уже не по контракту воюют. За жизнь. Им бы сдать, но, походу, боятся.

В наушниках скрипит связь, голос Деда: "Вепрь-3" — "Вепрь-1". На вашем участке, квадрат "Ольха", сработали датчики движения. Идите посмотрите. Осторожно, без звука.

Мы — это я, Дед Маховиков за рычагами и Женька, наш стрелок, на турели. Молодой, ему двадцать. Из Вологды. Мечтает стать пилотом. Говорит, после этой херни точно возьмут в лётное.

Выдвигаемся. Утро. Мороз такой, что дым от выхлопа стелется по земле, не поднимаясь. Лес — стена из серых стволов и белого снега. Датчики на броне пищат тихо, сканируя тепловые сигнатуры. На экране — пустота. Но Дед недоверчиво хмыкает.

И тут Женька орёт в общий канал: "Пехота! Слева, за бугорком! Трое! Бегут!"

Дед бросает: "Варяга", вперёд. Разворачиваю башню, ловлю их в прицел. Не в своих костюмах, как первые. В наших же маскахалатах. В грязных, с тёмными пятнами. Снятых с наших же павших бойцов в первые дни. Бегут короткими перебежками, от дерева к дереву.

— "Вепрь-1", огонь! — кричит Дед.

Я жму гашетку. Автоматическая пушка 30 мм отряхивает снег с деревьев, крошит стволы. Один падает. Двое исчезают.

— Не дай им уйти вглубь! — команда "Вепря-1". — Там уже корейцы копаются. Гоним их в лоб.

Мы лезем за ними. Гусеницы рвут мёрзлую землю. Вдруг — удар по корпусу! Что-то тяжёлое, глухое. Машину тряхнуло.

— Гранатомёт! — орёт Дед. — Женька, найди!

Женька палит из пулемёта длинными очередями. Я кручу башню, ищу. Вижу вспышку — из-за валуна в двухстах метрах. Ловлю в прицел, даю очередь. Валун крошится. Тишина.

Но это была приманка. Огонь открывают сразу с трёх сторон из тяжёлых крупнокалиберных винтовок. Бронебойные.

Стекла прицела покрываются паутиной трещин. Один снаряд пробивает борт, рикошетит внутри, не задевая нас, но осыпая осколками пластика и металла. Женька кричит — осколок попал в руку.

Дед мечется на месте, газует, даёт задний ход. Мы не танк, мы не можем просто давить.

— "Вепрь-1", мы в дерьме! Нас зажали! Нужна помощь!

— Держитесь, "Вепрь-3". "Тени" уже на подходе.

"Тени" — это кодовое для корейского спецназа, который работает в этом секторе.

Минута агонии. Снаряды бьют по корпусу, как кувалды. Внутри всё звенит. Дым, запах гари. Женька, стиснув зубы, продолжает отстреливаться одной рукой. Я пытаюсь хоть кого-то достать, но они умные, не показываются.

И вдруг — новый звук. Не гулкий удар, а тихое, частое "чак-чак-чак" снаружи. И крики. Не наши. Паника.

Высовываюсь в люк, рискуя получить пулю. Вижу: из леса, будто из-под земли, появляются серо-зелёные фигуры. Корейцы. Они не бегут. Они движутся короткими перебежками, но неотрывно, как волны. Стреляют короткими точными очередями. Туда, где засели диверсанты.

Один из "Одиссея" выскакивает, пытаясь отстреливаясь отойти. Кореец, не останавливаясь, снимает его одним выстрелом с колена. Как дерево срубил.

Бой затихает так же быстро, как и начался. Наступает тишина, нарушаемая только треском радио и тяжёлым дыханием в шлемофоне.

К нам подходит корейский офицер. Невысокий, сухой. Поднимает забрало. Лицо спокойное, как будто он вышел на прогулку.

— Вы ранены? — спрашивает по-русски, с сильным акцентом.

— Стрелок ранен, — хрипит Дед. — Машина повреждена.

— Медик подойдёт. Здесь чисто. Мы идём дальше. — Он кивает и, не теряя темпа, уходит со своими людьми вглубь леса.

Через десять минут приезжает наш санбат, начинают перевязывать Женьку. Дед и я вылезаем, чтобы осмотреть машину. Борта исполосованы, датчики разбиты, но ходовая цела. Повезло.

Стоим, курум, трясутся руки. Женьку увозят. Дед молча смотрит на следы от пуль.

— Артём, видал? — говорит он наконец. — Как они работают? Как часы.

Приходит команда: "Вепрь-3", ваш сектор зачищен. Возвращайтесь на точку "Дельта" для дозаправки и краткого отдыха.

Дед забирается в машину. Я остаюсь снаружи на минуту, докуриваю. Смотрю на лес. Тишина теперь кажется неестественной. Зловещей.

И тут я его вижу. Мелькнуло в ста метрах, между деревьями. Фигура в белом, припавшая к земле. Один из наёмников, уцелел. Он ползёт. Не к нам. В сторону. Туда, где по карте должен быть тыловой склад ГСМ.

"Блядь, думаю. Самоубийца. Или очень упоротый".

Я не кричу. Не стреляю. Просто бросаю бычок, спокойно, чтобы не спугнуть, открываю люк и говорю Деду:

— Дед, слева, в десяти часах, один ползёт. К складу.

Дед молча кивает. Заводит двигатель.

— Садись. Поработаем.

Мы не спеша, чтобы не поднимать шум, начинаем движение, огибая позицию. У нас почти нет приборов, но Дед ведёт машину по памяти, как по шоссе. Мы выходим ему в тыл.

Диверсант смотрит вперёд, на свою цель. Мы останавливаемся в ста пятидесяти метрах. Я снова высовываюсь в люк, беру на прицел автомат с подствольником.

— Сдавайся! — кричу я. По-английски. Surrender!

Он замирает. Потом медленно поворачивается. Видит БМП. Видит меня. Его лицо под маской — глаза широко раскрыты, в них нет страха. Только пустота и решимость. Он резко дёргается, пытаясь вскинуть винтовку.

Я стреляю. Одиночный выстрел из автомата. Пуля попадает ему в плечо, он роняет оружие, падает на спину. Не убит. Ранен.

— Всё, — говорю я Деду. — Обезврежен.

— Иди проверь, — говорит Дед. — Я прикрою.

Я прыгиваю на снег, автомат на изготовку. Подхожу. Он лежит, хрипит, хватается за рану. Глаза смотрят на меня. Ненавидят.

— Кончено, — говорю я. — Всё.

— Never... — выдыхает он. — This is only... the beginning...

И тут его свободная рука резко дёргается под маскхалат. Не за пистолет. За чеку. На поясе у него... связка. Гранаты. И маленький плоский детонатор.

Время замедляется. Я вижу его пальцы, сжимающие чеку. Вижу его улыбку, кривую, окровавленную. Я понимаю, что не успею отскочить. Не успею выстрелить.

Единственное, что успеваю — это развернуться корпусом к машине и крикнуть в рацию, в последний раз в жизни:

— ДЕД! ГАЗ! ОТ...»

(запись обрывается)

Примечание из оперативного журнала группы «Вепрь»:

В 06:41 при задержании уцелевшего диверсанта в квадрате «Ольха» рядовой Артём Климов погиб, подорвавшись на противопехотной мине, приведённой в действие диверсантом. Остальные члены экипажа БМП-4М «Варяг» живы. Диверсант уничтожен. Тело рядового Климова доставлено в пункт сбора. Поле «Ольха» зачищено полностью. Группа «Вепрь» продолжает выполнение задачи.

В 07:15 данные о потерях загружены в общий ситуационный центр ВОП. В 07:20 они отобразились как безымянная цифра «-1», добавившись ещё к таким же цифрам на экране у министра Стрелецкого и как строка в отчёте по эффективности для полковника Пака. Для Чжана Вэя эта цифра была автоматически конвертирована в поправочный коэффициент к логистическим расходам на обеспечение сектора.

Глава 8. Свидетель.

Место: Посёлок геологов «Полюс Холода», в 60 км от квадрата 34-Б.

Время: Дни 3–4, сумерки.

Перспектива: Антон Павлович Горский, 64 года, метеоролог, бывший капитан-артиллерист (в отставке).

(День 3, 18:47)

Ветер стих вчера ровно в полночь. Такого Антон не припоминал за все двадцать пять лет на станции. Тишина в тайге — понятие относительное: всегда есть скрип ветки под тяжестью снега, уханье филинов друг с другом, далёкий вой волка. Сейчас была именно та абсолютная, ватная тишина, что наступает в фильмах за секунду до взрыва.

Антон подкидывал дрова в печку, когда снова почувствовал тошнотворное давление в ушах — тот же провал, что и три ночи назад, когда спросонья он подумал, что у него скачет давление. Приборы в тот день зафиксировали аномальный спад, а потом — ничего. Ни всплеска радиации, ни сейсмических толчков. Просто воздух стал чуть тяжелее, а все звери в округе как по команде замолчали.

Он вышел на крыльцо, закуривая сигарету. Северный горизонт, обычно тонуший во тьме, отсвечивал странным, припудренным сиянием, будто от гигантского, скрытого за лесом светодиода. Не полярное сияние — то было рыхлое, живое. Это — чёткое, холодное, геометрическое. Как край огромного стекла, вставленного в небо.

«Объект», — прошептал он. Слухи из Академграда доходили и сюда, обрастая дикими подробностями. Антон отмахивался: очередная секретная байка, Минобороны испытывает новую болванку. Но эта тишина... Этот свет... осевший в слоях, подсказывал: это не испытание. Это развёртывание войск.

Внезапно лес всколыхнулся. Не от ветра — от тяжёлого, низкочастотного гула, который шёл не сверху, а из-под земли. Антон бросил сигарету, прислушался. Гул нарастал, превращаясь в серию приглушённых, но отчётливых хлопков. Не раскаты грома. Короткие, сухие, методичные. Выстрелы крупного калибра? Нет, что-то более мощное. Мины? Их звук был бы глуше.

Он знал этот звук. Бесшумные гранатомёты с дистанционным подрывом «Тишина» или «Канарейка». Оружие для тихой зачистки. Бесшумность достигается за счёт отсечки пороховых газов внутри гильзы вышибного патрона. Выстрел не видно и не слышно.

Значит, там, у «объекта», не зря выставлялась охрана. Там идёт бой. И воюют не на жизнь, а на смерть, раз применяют такое в глубоком тылу, это не просто калашом припугнуть нарушителя.

Антон вернулся внутрь. Руки сами потянулись к старой, но давно им модернизированной радиации-сканеру, собранной ещё в девяностые для прослушки эфира браконьеров. Он покрутил ручку, прогоняя частоты. Обычный эфир Академграда молчал. Но в УКВ-диапазоне, на одной из забытых частот лесной охраны он поймал обрывки. Английская речь, полная статики и паники:

— ...двигаются по координатам... потеряли Брауна...

— Не вижу их! Чёрт, они в снегу! Всюду!

— Команда на отход! Отходим!

И затем новый голос заговорил с ними на одном языке, на ломаном, но понятном, ледяной и без эмоций:

— Солдаты удачи. Ваш контракт аннулирован. Бросьте оружие. Или останетесь здесь навсегда.

Эфир захлебнулся шипением. Антон откинулся на стул. Может, учения, масштабные, с союзниками по военной коалиции. Если это учения, то зачем эта титаническая, всепоглощающая тишина вокруг? Обычные учения так не скрывают.

Он не спал всю ночь, слушая тишину. Она была теперь полна смысла. В ней слышался скрежет гусениц где-то за три холма, редкие, точечные щелчки выстрелов, нарастающий и стихающий гул тяжёлой авиации где-то на границе стратосферы.

(День 4, 11:13)

На следующий день он поехал на снегоходе проверить удалённую метеостанцию у ручья Чёрного. Снегоход заглох в трёх километрах от избы. Старый карбюратор, ему было наплевать на проблемы и тревоги метеоролога. Антон ругнулся, слез со стального зверя, немного размял ноги, взял рюкзак с инструментами и пошёл пешком.

Он нашёл их у подножия лиственницы, почти в сугробе. Двое. Одежда — не военная камуфляжная форма, а странные облегающие чёрные комбинезоны, порванные в клочья, запорошенные снегом. Один сидел, прислонившись к дереву, с остекленевшими глазами, смотрящими в никуда. Второй лежал, зажав окровавленную ногу выше колена. Два шлема валялись рядом. Лица — бледные, с синевой, с характерной жестковатой чертой, не привыкших просить.

Лёгкий автомат странного вида валялся в стороне. Антон замер. Беглецы. Те самые «солдаты удачи». Значит, точно не учения. Вот я и попал, подумал Антон.

Раненый услышал хруст снега, резко дёрнулся, пытаясь достать пистолет из-за пазухи. Рука дрожала от холода и шока.

— Стой! — хрипло выдохнул он. — Не подходи!

Антон медленно поднял пустые руки. Он разглядел детали: качественная, видно, что военная, но не наша экипировка. Шрамы на лицах не от ножевых порезов, а лёгкие, еле заметные — от пластической хирургии. Глаза — уставшие, выгоревшие, но не потерявшие звериную осторожность. Наёмники, догадался Антон. «Одиссей» уже тридцать лет гремел по всему миру.

— Я не военный, — сказал Антон на английском с сильным акцентом, изученным годами работы с зарубежными отчётами. — Я метеоролог. Помощь нужна?

Тот, что сидел, медленно повернул голову. Его взгляд был пуст.

— Всё кончено, — пробормотал он. — Они... они везде. Гоняют нас. Мы шли двое суток... по кругу.

Антон кивнул в сторону раненого:

— Ногу надо перетянуть. Умрёшь от потери крови.

Он, не дожидаясь ответа, снял рюкзак, достал аптечку и брезентовый тент. Раненый не сопротивлялся. Пока Антон накладывал жгут из ремня и бинтовал страшную рваную рану (точно от минного осколка), тот смотрел на него.

— Зачем? — спросил наёмник. — Мы же... враги.

— Вы — люди, в тайге, — отрезал Антон, концентрируясь на повязке. — Я видел таких в своё время. В горах. Разницы нет. Сначала выжить. Потом разбираться.

Он поделился с ними водой и плиткой шоколада. Спросил, сколько их было.

— Двенадцать в нашей группе, — коротко бросил раненый. — Остались мы. Остальных... забрали. Тихо. Как скот.

Антон посмотрел на север. Он понимал. Так действует не просто армия. Так действует механизм. Выжженная земля, информационный вакуум, точечное хирургическое устранение. Это работало на уровне, недоступном простым войскам. Это пахло большой, очень большой государственной машиной, которая вдруг сняла все ограничения.

— Вам нужно на юг, — сказал он, достав карту. — До границы 200 километров. Не дойдёте. Слушайте. В тридцати километрах отсюда по ручью есть старая заимка охотников.

Там печка, запас дров, консервы. Спрячьтесь там. Через пару дней, может, шум уляжется... или придут и заберут вас по-хорошему. Идите ночью. Не жгите костры.

Он дал им карту, спички, остатки еды. Он знал, что шансов у них почти нет. Что, скорее всего, их найдут или они замёрзнут. Но он не мог просто оставить их умирать.

Наёмники ушли, тот, что поживее, тащил второго на волокушах. Антон смотрел им вслед, пока они не скрылись в чаще. Он чувствовал странную тяжесть — тяжесть человека, который увидел начало конца маленькой, частной войны и почувствовал дыхание войны большой, тотальной. Он постоял ещё немного, развернулся и пошёл обратно к снегоходу — нужно его ещё отремонтировать, чтобы вернуться домой.

(День 4, 16:40)

Когда он вернулся в посёлок, там уже царил тихая паника. Через «Полюс Холода», не останавливаясь, проследовала колонна. Но это были не привычные глазу «Уралы» ВС РФ. Это были угловатые приземистые грузовики с решётчатыми бортами и камуфляжем нездешнего болотно-зелёного оттенка. На борт одного из них была нанесена белая краской эмблема: переkreщенные молот и стрела. Никто не вышел, не задал вопросов. Они просто проехали, как призраки, оставляя за собой гул дизелей и ощущение ледяного сквозняка, пришедшего из другого мира.

Баба Нина с края посёлка дрожащим голосом сказала Антону:

— Антоныч, это же... это же не наши? Кто это?

Он посмотрел ей в глаза и сказал то, во что сам не до конца верил:

— Союзники, Нина. Наши союзники. Значит, дело серьёзное.

Вечером он поймал в эфире последний обрывок. Уже знакомый ледяной голос, но теперь на чистом русском обращался к кому-то:

«— ...квадрат "Ольха" зачищен. Потери: один наш. Противник уничтожен. Передайте благодарность полковнику Паку от "Бурана-1". Его люди держали фронт как скала. Благодарность».

Полковник Пак. Корейское имя. Значит, эмблема с молотом... Восточный Пакт. Теоретический союз. Он оказался не бумажкой. Он оказался железом и кровью.

Антон сел за стол, достал потрёпанный телефон. Он хотел написать сыну, который служил срочную где-то под Хабаровском. Хотел предупредить, наказать быть осторожным. Но слова не шли. Что он мог написать? «Сынок, тут началась тихая война. С кем и почему? С пришельцами? С американцами?» Его сочтут за сумасшедшего.

Вместо этого он набил одну строчку, короткую и страшную в своей простоте:

«Серёжа. Если станет совсем тихо — это самое страшное. Значит, готовятся к чему-то большому. Держись своих. Люблю. Папа».

Сигнала не было, он залез на чердак и оставил телефон там. Если сигнал появится сообщение уйдёт. Через пару дней проверю, сказал сам себе Антон.

Поздно ночью он снова вышел на крыльцо прикурил сигарету. Северное сияние-призрак погасло. Тишина вернулась, но теперь она была иной — тяжёлой, насыщенной, как воздух перед ударом шторма. Где-то там, в эпицентре этой тишины, висел чёрный тетраэдр. И вокруг него уже не просто солдаты и учёные. Вокруг него сколачивался новый мир. Жестокий, прагматичный, готовый на всё. Но живущие недалеко от всего этого люди пока ещё ничего не знали.

Антон Горский, бывший капитан-артиллерист, а ныне метеоролог забытого посёлка, сделал глубокий вдох ледяного воздуха. Он не был героем. Он не был стратегом. Он был свидетелем. Он увидел первый день. Услышал первый выстрел. Понял первый намёк.

Он посмотрел на тёмное окно дома, где спала его внучка, приехавшая на каникулы.

— Ну что ж, — прошептал он в немую внимающую тьму. — Что-то начинается. Только бы вы, дети, успели вырасти.

И в ответ ему из тайги донёлся новый звук — не взрыв. Это был низкий вибрационный гул, похожий на пробуждение гигантского трансформатора. Он шёл из-под земли и наполнял всё вокруг до краёв. Испытания у «объекта» вступали в новую фазу.

Антон пошёл внутрь, чтобы записать показания датчиков. Давление снова падало. Стремительно. Как перед цунами.

Глава 9. Майя Рендольф.

День 5

Рейкьявик. Съёмная квартира с видом на промзону. 21:17.

На столе, заваленном проводами, жужжащими роутерами и пустыми банками энергетика, стояла только одна чистая вещь: матово-чёрный ноутбук. И рядом с ним — почти полная бутылка «Джек Дэниелс». Майя не пила из стакана. Она отпивала из бутылки.

На экране жили её демоны. Девять окон. Не тишина из фильмов про параноиков, а информационный шум, который она научилась читать, как энцефалограмму больного общества.

...Пятое окно — тихие, с камерами, наблюдения за аэродромами Норвегии и Финляндии, купленными через цепочку подставных фирм. Они показывали ничего. И это «ничего» было самым тревожным: в такое время пустые ангары и неохраняемые взлётные полосы? Либо гениальная маскировка, либо беспомощность. Майя ставила на первое.

Шестое окно — её «кардиомонитор». Прямой поток данных с «Буревестника» — гибридного дрона-ретранслятора на жидком водороде, болтавшегося неделю на границе стратосферы над Баренцевым морем. Не картинка. Сырая лента: широта/долгота, частота, сила сигнала, спектрограмма. Майя давно отучилась слушать — она читала мёртвый эфир. Видела, как на частоте 5,8 ГГц — стандартной для военных БПЛА КСН — возникали пятисекундные всплески. Автоматические маячки «свой-чужой». Значит, там что-то летало. А потом на частоте, забитой для глушения, ловила обрывки: «...дельта-фактор отрицательный... сеть "Троян" не отвечает...» Голоса с характерной усталостью в интонациях. ЧВК. Она узнавала их по тому, как они не просили о помощи, а констатировали факт провала, как бухгалтеры.

Седьмое и восьмое — потоки данных: биржевые тикеры, трафик новостных лент, активность ботов в соцсетях с привязкой к хештегам #Сибирь, #Учения, #НЛО. Она не читала статьи. Она смотрела на графики амплитуды вранья. Как взлетает кривая официальных заявлений, как падает — доверие. Математика цинизма.

Девятое окно было личным. Зашифрованный чат с ником «Вулкан». Её последний, самый ценный и самый опасный источник. Тот, что три дня назад прислал ей первую ниточку: сканы финансовых переводов с пометкой «Операция "Гиперборея"» от офшорного счёта, принадлежащего, как она выяснила за шесть часов безумного копания, дочери сенатора от оборонного комитета.

«Вулкан» молчал уже сутки. Это плохо. Или очень плохо.

Майя потянулась за бутылкой, отпила. Тёплая, липкая, с карамельным оттенком жидкость обожгла горло. Она не чувствовала опьянения. Алкоголь был лишь фоном, глушил мелкую дрожь в пальцах — ту, что появлялась после третьей бессонной ночи. Не страх. Предвкушение. Ощущение, что ты вот-вот наступишь на мину, но уже не можешь остановиться.

Они думают, что играют в геополитику, мысленно усмехнулась она, глядя на экран с пустыми аэродромами. А на деле — обычный подлог. Приватизация войны. Как и всё в этом прогнившем мире. Сними красивый фасад — увидишь счёт в швейцарском банке и кучу трупов для отчётности.

Она не была наивной девушкой, верящей в силу пера. Её карьера разбилась пять лет назад о расследование про поставки некондиционных медикаментов в армию КСН. Статья была железной. Источники — надёжными. А потом источники «передумали», редакцию купил медиахолдинг, связанный с тем же подрядчиком, а её вышвырнули с волчьим билетом «ненадёжного элемента». Она не плакала о справедливости. Она выучила урок: правда — не абстракция. Это компромат. А компромат — это валюта. Или оружие.

Планшет на краю стола завибрировал. Одно новое сообщение. От «Вулкана». Не текст. Файл. Огромный. С меткой «Конец игры».

Сердце не ёкнуло от восторга. Сжалось, как кулак. Она отпила ещё, налила немного виски на ладонь, растёрла по лицу. Холодно, резко. Проснись.

Файл оказался золотой жилой. Не просто сливы. Прямая трансляция с камер наблюдения в зале заседаний Пентагона. Да, были и такие каналы у «Вулкана». Она смотрела, как генерал Алдрич и человек в костюме от «Одиссея» торгуются, как на базаре. О сумме. О политическом прикрытии. О «приемлемых потерях».

— Если они окажут сопротивление... — говорил генерал.

— Тем лучше, — отвечал костюм. — Героическая гибель при контакте с враждебным внеземным объектом. Отличная история для медиа. Мы обеспечим красивые похороны и слёзы в прайм-тайм.

Майя выключила звук. Ей стало физически плохо. Не от морального ужаса. От понимания того, что происходит. Это был тот же механизм, что уничтожил её карьеру, только в масштабах планеты. Та же ложь, те же подставные слёзы, те же деньги. Она закурила, не отрываясь от экрана. Рука дрожала уже не от усталости.

Она скопировала ключевой фрагмент. Не для правосудия. Для удара. Потом открыла ещё один файл от «Вулкана» — перехват радиопереговоров «Одиссея» в Сибири. Паника. Крик: «Нас предали! Где поддержка?!» Спокойный голос в эфире предлагающий сдаться.

Идеальный монтаж. Без комментариев. Просто два окна: в одном — генералы, продающие их смерти, в другом — эти смерти в реальном времени.

Майя запустила программу для монтажа. Её пальцы летали по клавиатуре, точность пьяного мастера. Она не думала о последствиях. Думала о резонансе. О том, как этот вирус взорвёт их аккуратный вонючий мирок. В её голове звучал не голос совести, а ритм. Ритм разрушения.

Она нажала «Опубликовать». Во все её каналы. В тёмные блоги. На торренты. В автоматические рассылки на почты тысяч журналистов, которых она ненавидела почти так же сильно, как генералов. Алгоритмы «Вулкана» должны были разнести это, как оспу.

И только потом, когда дело было сделано, её накрыло. Пустота. Адриналин схлынул, оставив после себя ватную звенящую усталость и трясучку. Она схватила бутылку, отпила глубоко, почти залпом. Питьё не принесло облегчения, лишь подчеркнуло горечь во рту.

Она подошла к окну. Рейкьявик внизу был тих и прекрасен. Чужой. Она чувствовала себя не Золушкой на балу, а сапёром, который только что обезвредил бомбу, привязанную к себе. Тикать перестало. Теперь просто ждать.

Первые комментарии пришли через четыре минуты. Не вопросы. Паника. Её почту завалило. Ещё через десять пришло официальное опровержение: «Фальшивка... враждебные силы... гуманитарная миссия...» Она фыркнула, выдохнув дым на стекло. Такие же дешёвые, как и вы сами.

И тогда она поняла, что сделала. Она не выпустила правду на свободу. Она поместила тигра в клетку с дрессировщиком. Теперь они будут рвать друг друга. А она... она была просто тем, кто открыл дверь.

Сирены завывали неожиданно близко. Майя обернулась. Не полиция. Слишком быстро. Чёрные внедорожники без опознавательных знаков.

Она допила виски до дна, поставила пустую бутылку ровно в центр стола — последний аккорд. Быстро скопировала ключевые файлы на микрофлешку, спрятала её в потайной карман джинсов. Остальное — пусть горит.

Она не чувствовала героизма. Чувствовала страшную ледяную ясность. Система, которую она ненавидела, сейчас придёт за ней. Но она успела всадить в неё нож. Глубоко под рёбра. И провернуть.

Раздался сокрушительный удар в дверь. Дерево треснуло.

Майя Рендольф взяла свой поношенный рюкзак, накинула куртку. В последний раз оглядела свой цифровой склеп: мерцающие экраны, провода, пустую бутылку.

«Хоть не скучно», — подумала она с кривой усталой усмешкой и открыла дверь, опередив следующий удар.

Её взяли не полицейские. Мужчины в штатском с пустыми профессиональными лицами. От них пахло деньгами и властью, а не правопорядком.

— Мисс Рендольф. Вы нарушили...

— О, заткнитесь, — перебила она их, глядя прямо в глаза первому. Её голос был хриплым от сигарет и виски, но абсолютно твёрдым. — Вы же не за протоколом. Ведите. У меня, в отличие от вас, дела поважнее были.

Её увели. На столе в пустой квартире под мерцающим светом мониторов стояла бутылка с чёрной этикеткой, как надгробный памятник поединку, в котором не было победителей. Только правда, превращённая в оружие, и оружие, выброшенное после одного выстрела.

Глава 10. Генерал Алдрич.

Пентагон. Зал ситуационного анализа «Зеро». 08:17 по вашингтонскому времени.

Генерал-лейтенант Томас «Том» Алдрич стоял перед огромным, во всю стену, экраном и чувствовал, как мир, который он знал и в котором был уверен, рассыпается на глазах, словно песчаный замок под напором прилива.

На экране, разделённом на секторы, бушевал хаос:

Сектор 1: Прямой эфир CNN. Кадры с дрона — заснеженный лес, ряд тел под брезентом. Лицо Майи Рендольф, её последняя речь, растиражированная уже каждым вторым каналом.

Сектор 2: Би-би-си. Специалист по международному праву что-то яростно доказывал, размахивая руками. Бегущая строка: «...сенатор Макколл требует экстренных слушаний...»

Сектор 3: Фондовые индексы. Линии, похожие на кардиограмму пациента после остановки сердца, падали вниз. Особенно выделялась акция Odyssey Solutions — минус 31 %.

Сектор 4: Социальные сети. Визуализация трендов. Хештеги #SiberiaGate, #HyperboreaLies, #BringThemHomeNow ползли вверх, как лавина.

Сектор 5: Тактическая карта Сибири. На ней горели последние, уже безнадёжные метки. Рядом — плотные скопления меток ВОП. Они уже сомкнулись.

Группы «Сокол» молчали уже три часа. Последняя шифровка была обрывком паники: «...окружены... проходы нет... они везде...» Потом — тишина.

— Генерал, — тихий голос за спиной заставил его вздрогнуть. Это был полковник Шоу, его начальник штаба. Лицо Шоу было землистым. — Белый дом на линии три. Лично.

Алдрич кивнул, сделал глубокий вдох, пытаясь собрать в кулак всю свою выдержку, весь свой сорокалетний опыт. Он подошёл к закреплённому на консоли телефону, нажал кнопку.

— Господин президент, — сказал он, и его голос, к его собственному удивлению, звучал ровно и твёрдо. — Слушаю вас.

Голос в трубке был негромким, но каждое слово обжигало, как раскалённая игла.

— Том, что, чёрт возьми, происходит? Я смотрю на это... это цирковое шоу по всем каналам! Ты мне докладывал о безупречной операции! О минимальных рисках! А теперь у меня весь Капитолийский холм звонит в набат! Объясни. Сейчас.

— Господин президент, — начал Алдрич, глядя в стену. — Операция «Гиперборея» столкнулась с... непредвиденным уровнем сопротивления. Противник оказался лучше подготовлен. Мы...

— Непредвиденным? — президент перебил его. — Мне только что служба безопасности принесла запись, где наши с тобой люди, Том, обсуждают «окна» в ПВО и «компенсации семьям»! Это ты называешь непредвиденным? Это выглядит как заранее спланированное самоубийство! И почему, скажи на милость, на этих записях русские говорят о помощи корейцев? Корейцев, Том! В Сибири! Наша разведка давала об этом что-нибудь?

У Алдрича похолодело в груди. Значит, утечка была не только внешней. Кто-то вынес материалы из самого святого святых. Из этого зала.

— Разведка не располагала данными о развёртывании подразделений КНДР на территории РФ, господин президент. Это... новый фактор.

— Новый фактор? Это полный провал разведки! И твой провал, генерал! — В голосе президента зазвенела сталь. — Я сейчас выхожу к прессе. Мне нужно что-то сказать. Что ты предлагаешь?

Алдрич закрыл глаза. Перед ним вставали все варианты, и каждый был хуже предыдущего. Признать провал? Потерять лицо и дать России и её союзникам триумф. Продолжать настаивать на версии «гуманитарной миссии»? Это уже не купят даже самые лояльные СМИ.

Обвинить Россию в агрессии? Это могло спровоцировать полномасштабный конфликт, к которому КСН, как теперь выяснилось, был не готов.

— Господин президент, — медленно произнёс он. — Я предлагаю объявить о приостановке операции для расследования инцидента. Заявить, что мы стали жертвой дезинформации и провокации. И потребовать международного расследования под эгидой ООН.

В трубке повисла пауза.

— То есть ты предлагаешь отступить. Признать, что мы лажанулись.

— Я предлагаю... сохранить силы и лицо, господин президент. Ситуация на земле уже необратима. Наша группа уничтожена или захвачена. Продолжать настаивать — значит выглядеть ещё более глупо. А международное расследование... его можно затягивать годами. За это время мы перегруппируемся, поймём, с чем имеем дело.

— А объект? Этот... «Артефакт»?

— Он остаётся на территории России. Но если он действительно представляет угрозу, он будет угрожать и русским в первую очередь. Пусть разбираются сами. А мы будем наблюдать. И готовиться.

Ещё одна долгая пауза.

— Хорошо, — наконец сказал президент. Звучало это так, будто он проглотил стекло. — Готовьте заявление. Я выхожу через час. Но, Том... — Голос понизился до опасного шёпота. — Твоя отставка уже лежит у меня в столе. Как только этот пожар хоть немного утихнет, ты её подпишешь. Понятно?

— Понятно, господин президент.

— И найдите эту суку Рендольф. Найдите и заставьте замолчать. Навсегда.

Связь прервалась.

Алдрич медленно положил трубку. Рука дрожала. Он повернулся к своему штабу. Десяток офицеров застыли, глядя на него. В их глазах он читал то же самое: страх, растерянность, вопрос «Что теперь?».

— Вы слышали, — хрипло сказал Алдрич. — Готовим заявление о приостановке операции и требование расследования. Все активы в регионе — к отходу. Немедленно.

— Генерал, а... а группы ЧВК? — спросил молодой майор, офицер связи.

— Их больше нет, — отрезал Алдрич. — Спешите.

В зале воцарилась гробовая тишина.

Алдрич подошёл к консоли, взял свою личную кружку с логотипом морской пехоты, задумался, а затем швырнул её об пол. Фарфор разлетелся на тысячи осколков.

— Чёрт! — вырвалось у него. — Чёрт, чёрт, чёрт!

Он опустил голову. Провал был тотальным. Они проиграли не потому, что русские были сильнее. Они проиграли потому, что их переиграли. Русские знали об их планах. Значит, была утечка. Или их взломали. Или и то и другое. А корейцы... как они умудрились перебросить целый корпус так быстро и незаметно?

«Мы считали их отсталыми, — с горечью подумал Алдрич. — Мы считали, что наше технологическое превосходство решит всё. А они просто выключили нам свет. И подставили подножку. Как школьникам».

— Генерал, — снова позвал его Шоу. — Поступили сводки с тихоокеанского флота. Китайские корабли... они резко изменили курс. Идут на сближение с нашими группами у Тайваня. И российские бомбардировщики с дозаправкой в воздухе поднялись с аэродромов на Чукотке. Это... демонстрация силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.